
Тессера
из синего воска
АНАСТАСИЯ ЛОГИНОВА

Анастасия Логинова

Тессера из синего воска

https://litres.ru/74914164
SelfPub; 2026

Аннотация

1895 год. Сестра полицейского чиновника Степана Кошкина, юная актриса Варя, стала жертвой театральных интриг, а еще — подозреваемой в криминальном деле. И если бы не это недоразумение, волна загадочных событий так и осталась бы незамеченной. Ведь нет убийства, нет закономерности и нет ничего общего в череде несчастных случаев, прокатившихся по Петербургу. На первый взгляд. Но Кошкин вместе с дотошным химиком Воробьёвым находят связь: жетон из синего воска рядом с каждой жертвой, чья смерть не заинтересовала полицию. А символы на воске имеют оккультное значение и приводят в закрытый клуб для высшей знати, где за карточными столами проигрываются миллионные состояния и решаются человеческие судьбы.

И ставки растут. Что если следующей жертвой выберут кого-то из дуэта сыщиков?

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Перчатка с вензелем	9
Глава 2. Вещественные доказательства	36
Глава 3. «Палкинъ»	54
Глава 4. Брак по расчету	82
Глава 5. Дом детства	95
Глава 6. Чужая невеста	107
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Анастасия Логинова
Тессера из синего воска

Анастасия Логинова
Тессера из синего воска
Кошкин. Сыщик Российской империи-5

Пролог

«Машенька, он угрожал мне. Снова. Только что. Мы ссорились… ужасно совестно перед соседями! Едва хлопнул дверью и ушел, ко мне постучала Софья Ильинична с первого этажа. Она все слышала, каждое слово… Господи, как стыдно! Успокаивала, говорила, что все образуется, что я должна держаться ради детей! А у меня нет сил, Машенька… Пишу просить, умолять, чтобы ты приехала! Слышала, под Петербургом дороги размыты, и разумнее дождаться зимы, но… до зимы я погибну без тебя! И еще знай. Если со мной что-то случится… болезнь, любое несчастье, внезапная кончина… Не верь никому. Это он виноват!»

Руки дрожали и не слушались, слезы капали на чернила и разводили кляксами и без того бессвязный, отчаянный текст письма к сестре. Елизавета Владимировна наспех утирала их и сворачивала письмо, вкладывала в заранее приготовленный конверт. Надо было торопиться: уже вечерело, и отделение почты вот-вот закроют. А пальцы все не слушались, и даже ровно заклеить конверт не получалось.

Занятая этим, Елизавета Владимировна не слышала, как в кухне, на черной лестнице, тихонько поворачивается ключ в замочной скважине. День был воскресным. И кухарка, и горничные сегодня были отпущены, а детей гувернантка повезла в Зоосад на Петербургской стороне: что-то они при-

позднились, наверное, остались на иллюминацию, но должны были вот-вот вернуться.

Но не с черной лестницы, конечно.

Елизавета Владимировна всхлипывала, пыталась справиться с конвертом и не слышала мужских шагов сперва по плитке в кухне, потом по паркету коридоров. Как отворилась за ее спиной дверь в библиотеку, где она обосновалась, не слышала тоже – а звуки шагов до последнего момента скрывал мягкий ворс ковров.

Что-то осознать Елизавета Владимировна успела лишь когда мужчина уже стоял за ее спиной – навис над стулом, где она сидела у бюро.

Но в следующий миг жесткая ладонь, остро пахнущая лимоном и бергамотом, накрепко закрыла ей рот. Вскрикнуть не получилось – только издать глухой мучительный стон. Еще миг – и будто пчела ужалила Елизавету Владимировну в шею, у самого уха. Она снова издала глухой стон, попыталась отнять руку от лица – куда там, женщина была гораздо слабее.

А впрочем, мужчина и сам отпустил ее. Да только Елизавета Владимировна и обернуться теперь не имела сил. Мир закружился перед ее глазами, голова стала невыносимо тяжелой и сама упала вперед, на столешницу бюро. Сознание еще не покинуло. Как сквозь туман Елизавета Владимировна видела, что ее мучитель размеренно, но быстро покинул библиотеку и вернулся тотчас – с ее несессером, где храни-

лись пилюли и лекарства. Будто знал, где искать. Увы, Елизавета Владимировна страдала от болей в сердце и была завсегдатаем аптекарской лавки.

Несессер он небрежно уронил на стол, подле ее головы, вынул и разбросал с деланой небрежностью часть флаконов. И только теперь заметил запечатанное письмо к сестре…

Елизавета Владимировна уже не видела этого, но, помедлив, мужчина взял письмо в руки. Поколебался и разорвал конверт. Прочел, особенно никуда не торопясь. Смял и сунул в нагрудный карман пальто. А поискав в других карманах, вынул овальную тессеру – жетон из воска густо-синего цвета, который легко помещался на ладони. Оттиск, аккуратный совсем еще недавно, теперь уж оплавился в тепле и к нему пристали серые ворсинки от шерстяного пальто. Но не беда.

Мужчина неспешно обогнул бюро, прошелся вдоль шкафов с книгами, не без интереса рассматривая корешки и названия. Остановился у потухшего камина, где на полке у зеркала были расставлены в большом изобилии бронзовые подсвечники, вазочки, статуэтки и множество рамок с фотокарточками. Там-то среди безделушек он оставил восковую тессеру, аккуратно прислонив ее к зеркалу.

Двигался он спокойно и не торопясь. Но все-таки смотреть на мертвое тело не желал. Закончив, покинул библиотеку и притворил за собой дверь. Тем же путем, что вошел сюда, покинул квартиру – через кухню и черную лестницу.

Вышел во двор и скрылся, как будто никем не замеченный.

Глава 1. Перчатка с вензелем

октябрь 1895, Российская империя, Санкт-Петербург

На предметном стекле под микроскопом разворачивалось зрелище поистине завораживающее. В каплю раствора гемоглобина, приготовленного из кроличьей крови, Кирилл Андреевич точным движением добавил немного фосфорнокислого натра. Почти тотчас в красноватой жидкости начали выступать кристаллы. Они росли быстро, но вместе с тем правильно, складываясь в крупные, на редкость совершенные формы. По-видимому, прибавленная соль способствовала выделению кровяного пигмента в кристаллическом виде. Почему именно это происходило, еще предстояло выяснить; пока же Кирилл Андреевич мог лишь восхищенно улыбаться, радуясь, что опыт проходит более чем благополучно.

С трудом он сумел заставить себя оторваться от микроскопа, чтобы дотянуться до блокнота и сделать пометку. А поправив очки и вновь прильнув к прибору, далеко не сразу сообразил, что в лаборатории кафедры химии Санкт-Петербургского университета он в этот час не один.

Кого там нелегкая принесла?!

Раздраженный, что его отвлекают одним лишь своим присутствием, Кирилл Андреевич оторвался от микроскопа снова, чтобы отослать нерадивого лаборанта куда подальше. Только это был не лаборант.

Дама, пожалуй, что даже девица в чем-то слишком голубом и пышном для строгих стен университета, но с черной плотной вуалью на лице, стояла в двух шагах от его стола и уже некоторое время за ним наблюдала.

Девиц-то в университете днем с огнем не сыщешь – а если и сыщешь, то вовсе не таких. Кирилл Андреевич растерялся совсем.

— Сударыня, простите, я вас не заметил… вы давно тут? Вы к кому?

— И у вас еще хватает наглости спрашивать? После всего, что между нами было?!

В голосе, смутно знакомом, чувствовалась слеза, а Кирилл Андреевич, должно быть, успел немного поседеть, покуда соображал, где и при каких обстоятельствах мог повстречаться с этой дамой. Блондинкой, судя по светлым, модно причесанным локонам, виднеющимся из-под шляпки.

— Сударыня, простите, но я и правда…

— Да чтоб вы знали, я до сих пор не могу забыть той ночи, что мы провели вместе, а вы… вы…

Дама не выдержала и – то ли всхлипнула, то ли… А через миг уже откровенно залилась самым настоящим хохотом. Только смех ее Воробьев и узнал:

— Варвара Егоровна?..

— Ну простите, Кирилл Андреевич! Как я могла удержаться и не разыграть вас, ежели я стою здесь перед вами уже не первую минуту, а вы только улыбаетесь, хмыкаете своим

мыслям да смотрите в ваш… что бы это ни было. Словно я пустое место! А мне, между прочим, целую лекцию про что-то там пришлось слушать, чтобы попасть сюда, к вам. Скука смертная! Лектор и тот почти что засыпал.

Она только теперь убрала вуаль, явив Воробьеву несомненно хорошенькое юное лицо со вздернутым носом, смеющимися глазами и румянцем на щеках, столь несвойственным обычно петербургским девушкам.

— Я тоже, помнится, сладко вздремнул на том спектакле с вашим участием, куда меня затащил однажды ваш брат! – парировал Кирилл Андреевич, оскорбившись за Ее величество Химию.

Варвара Егоровна была актрисою, молодой, но весьма, как говорят, талантливой (сам Кирилл Андреевич судить не брался, хотя жертвой ее розыгрышей становился не впервые). Ну а брат ее, господин Кошкин, был закадычным приятелем Воробьева, пожалуй, что и другом – через него, собственно, они и были знакомы.

А что касается той особенной ночи… Воробьев живо сообразил, о чем речь, и ночь эта тоже была памятна ему. Кошкин тогда был в трауре по отношениям с одной особой, разбившей ему сердце; Воробьев же расстался с бывшею своею женой и вынужденно у него ютился. А за неделю до Рождества приехали из Москвы в Петербург проведать сына и брата соответственно матушка Кошкина и его сестра. Матушка-то по московской привычке отправлялась спать едва ли

не в девять, а они втроем частенько засиживались далеко за полночь за игрой то в винт, а чаще в особенно полюбившуюся им «шестьдесят шесть»[1]. Кошкин, как правило, играл без огонька, осторожничал и не рисковал. Выбывал чаще всего первым и, отодвинув стул, оставался лишь хмуро наблюдать со стороны. А вот меж ними с Варварою Егоровной завязывались настоящие баталии! Себя Воробьев справедливо считал отличным игроком, весьма удачливым… еще до женитьбы некоторую склонность имел он к рулетке и карточным играм, благо вовремя одумался. Но и сестра Кошкина оказалась девицей удивительно азартной, не менее удачливой, и, что любопытно, не самая простая для девичьего ума игра в «шестьдесят шесть» оказалась ей вполне по зубам: считала Варвара Егоровна превосходно, обобрав его пару раз до копейки.

Но он ее, разумеется, чаще.

Славные были вечера…

В тех ничего не значащих беседах за игрою в «шестьдесят шесть» Варвара Егоровна от души проходилась по личности вышеозначенной особы, которая бросила ее брата. Воробьев-то почти во всем был с нею согласен, но – удивительно – у него хватало ума молчать. Видно, догадывался, что с особой той Кошкин сойдется снова – а он, наговоривший о ней всякого, останется в дураках.

Так и вышло.

---

[1] Винт, «шестьдесят шесть» - популярные карточные игры (прим.)

Кошкин со дня на день должен был вернуться из свадебного путешествия со Светланой Дмитриевной, своей законной супругой, и Кирилл Андреевич полагал, что нынешний визит его сестры связан именно с этим. Ибо с чем же еще?

Он угадал, но лишь отчасти.

— Я… я, право, не знаю, как вам и сказать… - Варвара Егоровна теперь уж тушевалась, смотрела в пол и мяла в руках ремешок ридикюля.

Воробьева всегда удивляло в ней умение столь скоро переходить от заливистого смеха к смущению, а то и слезам. Впрочем, нужно думать, для актрисы это дело обыденное.

— Такого, как ни пытайся, хорошо не скажешь, так что скажу прямо. Одну мою подругу… актрису… ее арестовали. То есть покамест не арестовали, но боюсь, что вот-вот.

— За что же ее хотят арестовать? – нахмурился Воробьев.

— За убийство… Только она этого не совершала! – пылко добавила Варвара Егоровна, когда Воробьев чуть на месте не сел от неожиданности. – Клянусь, что не совершала! Полиция просто ворвалась среди репетиции, перевернула все вверх дном, обыскала гримерки, кладовки, каждый шкаф с реквизитом перетрясла! Допросили каждую из актрис, будто… будто заранее уверенные, что каждая из нас злодейка, каких свет не видывал!

В отчаянии Варвара Егоровна сорвалась с места и принялась нервно ходить меж склянок и приборов, и в самом деле чуть не плача теперь. Сколь близко к сердцу она умела при-

нимать чужую беду, Воробьев хорошо знал.

— Что ж… я в самом деле сочувствую вашей подруге, только не понимаю, чем же я могу ей помочь? Да, я фигура небезызвестная в своей области, отрицать не стану, - Кирилл Андреевич безотчетно приосанился, - но я химик, и к полиции никакого отношения не имею. Разве что иногда бываю приглашенным в качестве специалиста. Если вы уверены, что подруга ваша невиновна, то лучше вам обратиться к брату, Степану Егоровичу. Тем более, что он вскорости уж вернется.

Степан Егорович, помимо всего прочего, имел должность чиновника особых поручений при градоначальнике Петербурга, а потому нередко ему поручали именно что расследования резонансных уголовных дел. В этом он и правда был хорош, сделав поистине блестящую карьеру.

— Да, они в будущую среду возвращаются, - подтвердила Варя. - Степаша матушке телеграфировал уже… Только я к брату обратиться никак не могу.

Варвара Егоровна поежилась, глядя в сторону. Сказала убежденно:

— Степаша хороший, я знаю, что он добра мне желает… Но он не поймет. Снова ругаться станет да приходить в ужас оттого, кто мои подруги. Станет запрещать мне театр. Говорить, что девушке из хорошей семьи – что бы ни вкладывал он в эдакое понятие – на место на сцене. Плясать на потеху публике, так он это называет… А я вовсе не пляшу! Я драма-

тическая актриса, выпускница класса Немировича-Данченко! А кроме того, мое меццо-сопрано всегда все хвалили, вы же слышали мое пение?..

Она набрала в легкие воздух, будто бы готовая прямо сейчас взять ноту – да, к счастью, передумала. Нехотя признала:

— Ну да, может быть, я иногда и пляшу… но не так уж часто, как думает Степаша! Я служу в театре Корша, а это весьма приличное заведение. Мы и по Толстому даже ставим пьесы! Я не в первом составе, правда: чаще играю подружек да сестриц главных героинь… и все-таки на нынешние гастроли в столице, в Малом театре, позвали и меня в числе прочих! Обещали в будущем сезоне прослушать на Софью из «Горе от ума»…

Она всхлипнула.

Воробьеву было ужасно неловко слушать самую настоящую женскую истерику, но этикет предписывал выказать сочувствие. Он едва успел вставить неловкое:

— Ну-ну, Варвара Егоровна, будет… вы прекрасная актриса…

— Ну да, прекрасная… сами же сказали, что уснули на спектакле с моим участием.

— Да… но как только вы вышли на сцену – тотчас проснулся!

— Лжете…

— Ничуть! На вас еще было платье розовое с рюшами. Откуда бы я это помнил, если бы спал?

— Не розовое, а цвета saumon[2]! Но я вам верю. И знаю, что вы не столь косны, как мой брат, относительно положения женщины в обществе. Ох, кабы не заступничество матушки, Степаша давно запретил бы мне театр, да запер в монастырь! Или того хуже – сыскал бы жениха и выдал замуж! Но вы-то понимаете, каково это, когда запрещают заниматься тем, без чего ты жизни не мыслишь?! Вас ведь тоже в мае месяце едва из университета не уволили?! Я помню!

Кирилл Андреевич невесело покивал и впрямь отчасти ее понимая. В мае действительно время было непростое для него. Длился который месяц бракоразводный его процесс с женой и, если б правда уволили его тогда с кафедры – он бы вовсе пропал, наверное. Воробьев даже допустил на миг, что театр для Вари значит столь же много, как Химия – для него самого. И смягчился.

— Не спорю, в театре разные девушки служат, - продолжила рассказ, высморкавшись в его платок, Варя, - но те, которые… иными способами ролей добиваются – я с ними не дружу! Та моя подруга – она хорошая, ей-богу. И с Вениамином Иосифовичем у нее самые что ни есть товарищеские отношения были! Вениамин Иосифович он и вовсе женат, меж ними в любом случае ничего такого быть не могло! Он учитель словесности в гимназии и молодой драматург – безумно талантливый!

— Вениамин Иосифович – это?.. – Воробьев все еще не

[2] Saumon (от франц. — сёмга) — розовато-желтый, лососёвый

поспевал за ее сбивчивыми мыслями.

— Тот несчастный, которого убили. Застрелили, кажется… я не очень поняла.

Воробьев горестно покачал головой. Как ни сочувствовал он Варе и как бы ни понимал ее любовь к театру, но был, пожалуй, целиком на стороне ее брата. Театр – не место для юной неискушенной девушки.

— Вы наивны! – свысока заключил он. – Роман между актрисой и драматургом – обычное дело, хоть женатый тот драматург, хоть нет. Наверняка он еще и главную роль в своей пьесе вашей подруге обещал, так ведь?

— Да, было… - нехотя подтвердила Варя. Однако вместо того, чтобы вновь всхлипнуть и расплакаться, вскинула на него горящий праведным гневом взгляд: - Но что за мерзкое клише?! Если актриса – то непременно дурно воспитанная кокотка?! А заодно воровка и убийца?

— Не клише, а опыт, Варвара Егоровна. Увы, но среда определяет бытие! – под горящим ее взглядом Воробьев решил оговориться: - разумеется, бывают исключения, не спорю! О вас я уж точно никогда не думал дурно – и вовсе не потому, что вы сестра моего товарища. Да, у вас несносный характер и ваши шутки это… уму непостижимо! Но я знаю, что сердце у вас доброе, а душа и помыслы чисты.

Румяные щеки Вари раскраснелись и того больше – теперь уж от смущения.

Будто юная гимназистка она уткнулась взглядом в пол и,

не смея поднять головы, пробормотала:

— Вы и представить не можете, как много для меня значат ваши слова, Кирилл Андреевич… Потому что, по правде сказать, нет никакой подруги. Это меня обвиняют в убийстве Вениамина Иосифовича. Меня.

На этот раз Воробьев все-таки сел. Рывком снял очки и долго, выжидающе смотрел на сестру своего друга. Ждал, что вот-вот она снова зальется хохотом и скажет, что все это очередная глупая шутка.

Но Варя не смеялась. Вид у нее был поистине несчастный. Выходит, что это правда.

Доигралась… Да Кошкин из нее всю душу вынет, когда узнает!

По правде сказать, у Воробьева не укладывалось в голове, как господин в чине Степана Егоровича вообще мог допустить, чтобы его родная сестра занималась подобным ремеслом. Должно быть дело в том, что Кошкин далеко не всегда состоял при Канцелярии градоначальника, а уважаемая его матушка до замужества и сама играла на подмостках и после трудилась швеей при театре. И Кошкин, и сестрица его тем более, практически выросли за кулисами. И тут уж, скорее, чудо, что сам Степан Егорович не играет нынче Гамлета или Чацкого…

— Как… почему… с какой стати вообще полиция решила, будто это сделали вы?! – задал он, наконец, хоть сколько-нибудь осмысленный вопрос. – Кто он такой этот Вениа-

мин Иосифович? Как вас угораздило с ним связаться?!

— Его фамилия Фогель, - обстоятельно стала рассказывать Варя. – Мы не были дружны хоть сколько-нибудь близко, но знакомы давно – еще с той поры, как он жил и преподавал в Москве. Вениамин Иосифович приятельствует с господином Коршем, руководителем нашего театра: нередко он бывал приглашен и на премьеры, и на последующие празднества. Он безумно талантлив! Не раз предлагал господину Коршу свои пьесы, но… пока что не складывалось. Однако драма, над которой господин Фогель работал последние месяцы, была делом всей его жизни – он сам так говорил. Она должна была стать прорывом! О ней бы и в Москве, и в Петербурге писали во всех журналах! Да он бы стал этуалью не меньшей, чем Чехов, ей-богу! Ох, там был невозможно интересный и драматический сюжет о красивой, благочестивой девушке, которая родилась крепостной крестьянкой, но за ее руку и сердце чуть было не убили друг друга на дуэли один граф и сын персидского шаха… А еще там была война 1812 года и тигры!

— Тигры?

— Да! Я принесу вам почитать!

— Прошу, не нужно…

— Нет, я все-таки принесу! И Вениамин Иосифович все время говорил, что в роли главной героини, Полиньки, видит только меня… и даже просил задержаться после репетиции, чтобы я помогла ему тщательней прописать характер

Полиньки…

— И вы задерживались?

— Нет, матушка уж больно зорко следила… А после господин Фогель и сам про свою пьесу как будто позабыл, отвлекшись на иные дела. Ну а потом пришла весть, что господина Фогеля убили.

Воробьев слушал хмуро. Драматург этот, хоть и был он убитым, нравился ему все меньше. Просить задержаться после репетиции, чтобы поработать над пьесой вместе с юной, хорошенькой и наивной, как дитя артисточкой? Ну да, ну да… Думается, услышь об этой истории Кошкин, он бы сам того Фогеля пристрелил.

— Но я все равно не понимаю, отчего полиция имеет подозрения к вам? -покачал он головой. – Если этот драматург обещал вам роль, то вы последний человек, которому нужна его смерть.

— И я о том же! – подхватила Варя. – Только… мне не верит никто про роль. К тому же в доме у господина Фогеля, прямо рядом с ним, убитым… нашли перчатку. Мою перчатку от вечернего туалета. Ума не приложу, как она там оказалась! Я никогда не бывала у него дома и, разумеется, не отдавала ему ее – зачем бы мне это делать?!

И впрямь как будто совершенно не зачем.

— Не мог ли этот Фогель сам выкрасть вашу перчатку? – придирчиво спросил Воробьев. – К примеру, чтобы иметь повод встретиться с вами еще раз. Возможно, он даже влюб-

лен был в вас?

— Возможно… - Варя ниже наклонила голову. Совсем уж неохотно призналась: - может, я даже немного, самую чуточку, его поощряла… Но его Полинька чудесная героиня! Я не могла допустить, чтобы роль кому-то другому досталась!

Кирилл Андреевич теперь уж качал головой как заведенный, и даже вообразить не мог, что устроит Кошкин своей сестрице, когда вернется в Петербург и обо всем узнает – а он, разумеется, узнает.

— Умоляю, только брату не говорите, - будто подслушала его мысли Варя. – Я ведь вам как другу призналась. Ей-богу, я полиции и ареста не так боюсь, как Степашиного гнева. Он запретит мне служить в театре, а для меня это смерти подобно!

— Степан Егорович все равно узнает. И, раз нашли перчатку – именно вашу, а не чью-то – позвольте, но мне теперь уж не понятно, отчего вас не арестовали до сих пор? Все улики налицо! А матушка ваша что же?

— Матушка не знает, - всхлипнула Варя. – Все дело в том, что расследование поручено одному давнишнему другу Степаши… я и сама его с детских лет помню. Господин Девятов, Михаил Алексеевич. Он нынче в Управлении полиции на Гороховой служит. Обещался, что покамест Степаша не вернется, не делать ничего. И матушку понапрасну не беспокоить. Мне, может, и не стоило к вам идти… но что-то все равно немного страшно. А впрочем, Михаил Алексеевич

очень и очень хороший, добрый! Мне он еще с детских лет нравился – такой обходительный…

* * *

После ухода Варвары Егоровны – проводить себя она не позволила – Воробьев еще некоторое время стоял, как пришибленный, посреди лаборатории. Попытался было вернуться к исследованию буферных свойств фосфата, но куда там… Ему теперь уж стало не до наслаждений химическими опытами.

Ну Варя, ну удружила! Сестрице Кошкина шел двадцатый год, полных девятнадцать лет – и возраст этот Кирилл Андреевич не считал совсем уж юным да беспечным. Он в свои девятнадцать писал работы, которые цитировали в научных журналах! С ним профессоры говорили на равных! А впрочем, в свои девятнадцать Кирилл Андреевич не был хорошенькой белокурой актрисой в мире, чрезвычайно жестоком к девушкам… К тому же Кошкин сам избаловал сестру, потакая всем ее прихотям, позволив расти в чудовищной вседозволенности! Разрешать девице среди ночи играть в карты с малознакомым мужчиной, да на деньги – где это видано!

Уже не известно на кого гневаясь, Кирилл Андреевич схватил свое пальто, запер кабинет и помчался не куда-то, а сразу на Гороховую, в Управление градоначальства и столичной полиции.

Варя поступила умно хотя бы в одном: явилась сюда и рассказала ему все как есть! А не стала полагаться на этого Де-

вятова Михаила Алексеевича, «весьма обходительного старого приятеля Кошкина». Кирилл Андреевич был немного наслышан о Девятове. О том, какую роль он сыграл четыре года назад в судьбе Кошкина, когда сперва его «подсидел», потом поспособствовал увольнению да ссылке и, до кучи пытался арестовать нынешнюю супругу Степана Егоровича[3]. Кто угодно он Кошкину, только не друг!

А в связи со странноватой этой уликой-перчаткой у Кирилла Андреевича и вовсе закрадывались сомнения: уж не впутал ли сей господин нарочно Варю в грязную историю, дабы к чему-то Кошкина принудить?!

Особенно теперь…

Летом не стало патрона и покровителя Кошкина – старого графа Платона Алексеевича Шувалова. Человека непростого, но умного и справедливого. Его сиятельство даже если сгоряча наказывал Кошкина да отправлял в ссылку – как в тот раз с Девятовым хотя бы – то вскорости всегда остывал и стремился разобраться в сути дела. И обычно прощал своего протеже.

Теперь же все было зыбко. Теперь ни патронов, ни советчиков, ни защитников у Кошкина не было. Лишь прямой и непосредственный его руководитель, градоначальник Санкт-Петербурга господин фон Валь – а тот и сам имел весьма шаткое положение, поскольку, по слухам, был не в фаворе

[3] Эти события описаны в первой книге серии о Кошкине «Слёзы чёрной вдовы» (прим.)

у молодого государя-императора Николая Александровича. Вот-вот сместят фон Валя[4]– а заодно и всю его Канцелярию вместе с Кошкиным разгонят…

Помнится, уезжая Степан Егорович даже мрачно пошутил, что, возможно, это его последний отпуск в нынешней должности.

* * *

Октябрь в столице по мнению Кирилла Андреевича был самым что ни на есть мерзким временем года. А октябрь 1895 – особенно. В 1895 октябрь выдался еще и на редкость холодным: уже с середины месяца температура колебалась возле ноля по шкале Цельсия, иногда и опускаясь на один-два градуса ниже него. Выпал бы снег поскорее… Но нет, до снегов было еще далеко, и зарядили дожди: моросили по набережным и мостовым, превращая гранит в вечно влажное зеркало. Деревья в Александровском саду уже облетели, сделавшись совершенно черными, и лишь кое-где держались последние рыжие листья.

Нева еще не замерзла: первый лед появлялся обычно не раньше ноября. Но вода стала вязкой, мутной, и ветер гнал по ней мелкую рябь, от которой даже издали веяло мертвецким холодом.

Быть может, конечно, Кирилл Андреевич нарочно сгущал

---

[4] Виктор Вильгельмович фон Валь (184-1915 гг). Реальное историческое лицо, градоначальник Санкт-Петербурга в 1892-1895 годах. Действительно был смещен с должности в декабре 1895

невеселые осенние краски, исходя из общей неустроенности своей жизни… веселого и впрямь было мало. Даже в мае сего года, о котором упоминала Варя, когда тянулся его бракоразводный процесс, да оставалась полная неясность с работой на Кафедре – и тогда было получше. В мае было главное – надежда. Которая теперь рассыпалась прахом. Развод Кириллом Андреевичем был получен – однако та, ради которой он все затевал, та, которая вселила в него эту надежду – нынче была им потеряна навсегда. Теперь уж в этом не было ни малейших сомнений.

Она ни единого письма ему не написала с той их последней встречи на крыльце особняка Громовых в Зубцове. А ведь обещала!

Так тому и быть…

Кирилл Андреевич смирился. Поклялся сам себе, что отныне ни одна женщина не тронет его сердца, а жизнь свою он посвятит одной лишь Науке. И еще дочери, разумеется, Дашеньке…

Воробьев в очередной раз сам себя упрекнул, что о пятилетней дочери, отданной ему под опеку, он всегда вспоминал случайно и почти что в последний момент. Дарья, к слову, и сейчас была не с ним, в Петербурге, а вместе с Кошкиным и его молодой женой в Крыму. Свадебным путешествием их поездку, наверное, можно было назвать лишь отчасти: Кошкин поправлялся после ранения, и с молодоженами отдыхал их воспитанник, шестилетний парнишка. Супруга Кошки-

на и уговорила Кирилла Андреевича отпустить с ними дочь. Мол, солнце и море пойдут девочке на пользу, и детям-погодкам точно не будет скучно вместе.

Уж лучше б, право, они забрали с собою Варю… Или няньку к этой девице приставили. Или конвоира!

* * *

Белокаменное здание с высокими окнами, что стояло немногим более сотни лет на пересечении Гороховой улицы и Адмиралтейского проспекта, Кирилл Андреевич знал неплохо. Достаточно, чтобы входить сюда без какого бы то ни было трепета и опаски. Некоторое время назад – да, было в его судьбе и такое – он и сам значился полицейским служащим, специалистом по следам, и имел в этом здании пусть не кабинет, но угол со столом.

Здание было примечательным. Проектировалось для лейб-медика Екатерины II барона Фитингофа, множество раз перестраивалось, но практически все годы существования было обителью государственных чиновников всех рангов. Именно в этих стенах террористка Засулич когда-то едва не застрелила градоначальника Трепова; здесь допрашивали покушавшихся на жизнь императора народовольцев Соловьева, а позже и Рысакова с Кибальчичем; здесь же работал и выдумывал свои безумные планы вербовки и провокаций гений политического сыска Георгий Судейкин.

К счастью, надзиратель сыскного отделения Михаил Девятов занимался делами попроще – уголовными преступле-

ниями, которые в этом здании, за сотню лет чего только не видевшем, можно было бы назвать совершенно обыкновенными. Дело об убийстве Вениамина Фогеля, преподавателя словесности, сочинявшего на досуге пьесы о крепостных девицах, тоже расследовал Девятов. И даже охотно согласился Воробьева принять.

Кирилла Андреевича не удивило, что на Гороховой его до сих пор прекрасно помнили. Удивило, что вспоминали почему-то не с восхищением, а с легкой опаской – неужто собирается вернуться?..

Как бы там ни было Девятов его принял, и принял весьма радушно. Пытался угостить сперва домашней наливкой, мол, день все равно к концу идет, а потом чаем с плюшками, кои собственноручно напекла его жена – да до того был настойчив, что от второго отказаться Воробьев так и не сумел.

— Ох, Варенька, Варенька… - вздыхал, сокрушаясь и качая головой, Девятов, - я уж по-простому о ней, вы не обессудьте, Кирилл Андреевич. Как родная она мне, как сестрица, ей-богу! Я Вареньку вот с таких… нет, вот с таких лет помню! – он приподнял ладонь чуть выше столешницы, показывая рост Вари. – Я даже сватался к ней… покуда Степан-то Егорович на Урале того… служил. Сестра товарища ведь, обязан я был поддержать, покуда сам-то Степан Егорович того… отсутствует. Так матушка ейная ни в какую! Отказала мне – можете вообразить?! Так и отвадила от дома, и даже Вареньке о чувствах моих – самых светлых, смею вам

заметить! - сообщить отказалась. А ведь я в самом деле совершенно честно хотел жениться! А теперь… ишь как все обернулось-то!

Он хмыкнул, не сумев сдержать самодовольной улыбки, и разгладил аккуратные подвитые усы. Сделал немудреный вывод:

— А впрочем, все к лучшему! Вскоре я как раз Агриппину Аркадьевну, Грушеньку свою повстречал – вдову сахарозаводчика, между прочим. В самом соку, ежели понимаете, о чем я. Заводец-то сахарный она продала и осталась с хорошеньким состоянием, н-да… В прошлом месяце как раз уж в третий раз отцом стал, можете поздравить.

— Поздравляю, - машинально поклонился Воробьев.

Он не знал Михаила Алексеевича четыре года назад, но сейчас этот господин именно что счастливым семьянином и выглядел – с лоснящимся от сытных пирогов лицом и раздавшейся вширь фигурой, облаченной в превосходно сшитый мундир с начищенными, что зеркало, пуговицами. Все у этого человека в жизни сложилось хорошо, гладко, правильно, и сам собою он был доволен.

Быть может, даже – самую малость – Воробьев ему да его благополучию завидовал…

Михаил Алексеевич изо всех сил старался казаться добряком, простаком и не походить на того конъюнктурщика, который с легкостью может предать товарища, ради хорошей должности. Только Воробьев ему не верил. Нет-нет, да мель-

кало в глазах сыщика Девятова что-то острое, цепкое, подсказывающее, что простаки на той должности, которую он занимал, долго не задерживаются.

— Позвольте полюбопытствую, господин Воробьев, а вы-то сами с какой целью судьбою Варвары Егоровны интересуетесь? Никак, виды на девицу имеете? – спросил Девятов с тем самым прищуром.

— Что вы – вовсе нет! – горячо запротестовал Воробьев, - она сестра моего товарища, мы очень дружны с Кошкиным – оттого лишь!

— Понимаю. И не осуждаю, ей-богу!

Девятов покивал, но, меряя по себе, кажется, не верил.

— Я ведь тоже товарищем Кошкину был когда-то… - он тяжко вздохнул, будто бы в самом деле сожалея. – Оттого-то, собственно, и не стал торопиться с арестом его сестры, дело покамест у себя попридержал. По старой, так сказать, памяти. Вернется Степан Егорович, потолкуем с ним хорошенько, а там уж и решим… Хотя дело яснее ясного, ежели по совести говорить.

— Вы действительно думаете, будто это Варвара Егоровна застрелила Фогеля? Этого быть не может!

— Вполне себе может, - невесело пожал плечами Девятов. – Варвара Егоровна – хорошая девушка, милая, славная. Совсем дитя. Но, поверьте, достаточно я в полиции служил и повидал сотню таких вот точно. С виду – агнец божий, сидит, слезы льет, клянется, что белее монашки. А как факта-

ми прижмешь, начинают потихоньку сознаваться, что и любовников у них больше, чем у меня седых волос на голове, и что убийство уж не первое на их совести. Упустил Степан Егорыч сестрицу – что и говорить. Он и раньше-то на нее жаловался без конца.

Воробьев, внутренне закипая, сжимал зубы и уговаривал себя не вступать в спор со свойственной ему горячностью. Опыт в расследовании уголовных преступлений, пусть и не такой большой как у Девятова, у него тоже имелся, а потому он хорошо знал – доводы его сей господин сочтет наивными и несерьезными. Поэтому сдержался. Только сказал убежденно:

— И все же Варвара Егоровна этого не совершала, вы ошибаетесь! Позволите мне взглянуть на материалы дела?

Девятов смерил его взглядом – видно, решал, что это ему даст. В конце концов, с наигранным безразличием пожал плечами, поискал в несгораемом шкафу и протянул Кириллу Андреевичу тонкую папку.

— Смотрите, ради бога – мне не жалко. Только рад буду, если найдете хоть что-то в пользу этой девицы. Думаете, мне шибко приятно будет арестовывать близкого Степан Егорычу человека? Снова. Чай не дурак, понимаю, что с Кошкиным лучше дружить, чем враждовать.

* * *

Из материалов следовало, что тело Фогеля обнаружила рано поутру его супруга, едва вошла в спальную. С ее слов,

убитый, уже переодетый ко сну, лежал поперек кровати. Висок прострелен. Стена рядом с его головою в брызгах крови: из чего Воробьев сделал немудреный вывод, что Фогеля убили, пока он сидел на краю кровати.

Странновато, конечно, что стреляли в висок, ибо ранения такого характера обычно причиняют себе только лишь сами стрелявшие… Да и висок прострелен как раз правый.

Но нет, по всем признакам это было не самоубийство. Револьвер, ставший причиной смерти, был найден не в руке трупа и даже не рядом, а в другом конце спальной, на туалетном столике.

Прибывший на место участковый надзиратель по всей строгости допросил госпожу Фогель, не она ли подняла и переложила оружие? Но та клялась, что тотчас, как увидела труп, в ужасе убежала и дверь за собою заперла. Выходит, сам себя Фогель убить никак не мог.

И все же убийство в висок?..

Воробьев похмыкал и принялся изучать фототаблицы, кои имелись в большом количестве. Сделаны они были подробно, качественно: дело непростое, и вслед за участковым надзирателем через пару часов к нему подключили сыщиков с Гороховой, во главе с Девятовым. Толк в фотосъемке Михаил Алексеевич знал и был в ней мастером – в этом Воробьев не отказал.

Фотоснимки запечатлели и лежащий поперек кровати труп, и брызги крови на стене, и револьвер, системы Смит-

Вессон на столике, среди прочих явно женских туалетных принадлежностей. Словом, подтвердили все, о чем дала показания супруга убитого. Столик с револьвером Воробьев рассматривал особенно внимательно и вдруг озвучил то, что выбивалось из стройного рассказа:

— Так в момент убийства супруги Фогеля не было в доме? Ночью? Где же она изволила находиться?

А рассматривал так долго Воробьев то, что запечатлено было на столике рядом с оружием. Фоторамка с карточкой. Две фигуры – в белом и в черном. Очевидно, что карточка была свадебной. А еще по стеклу на рамке шла неясного происхождения сетка… то ли огрехи съемки, то ли трещина…

— Так точно, дома ее не было, - подтвердил в свою очередь Девятов. Прищурился: – понимаю ваши надежды, Кирилл Андреевич, но увы – она никак не могла порешить мужа. Alibi, видите ли. Объективные обстоятельства, свидетельствующие о непричастности. Эта особа к тому времени уже сутки, как не появлялась на общей их квартире, а ночью кутила в ресторане, в обществе множества людей. Свидетелей опросили – она и впрямь всю ночь была на виду.

Воробьев в изумлении задрал брови:

— Какие, однако, дивные отношения в семейной паре… А что же перчатка, из-за которой сыр-бор? Не вижу ее на снимках.

— Перчатку куда позже отыскали, почти случайно и при моем непосредственном вмешательстве, - с важным видом

подметил Девятов. - Под кроватью нашлась.

Кирилл Андреевич перевернул еще несколько страниц с фототаблицами и действительно увидел оный предмет гардероба. Перчатка была определенно женской – по виду атласной, богато украшенной жемчугом. А на внутреннем ее отвороте крупным планом был запечатлен искусно вышитый вензель «В.К.»

— И это все?! – даже разозлился Воробьев. – Инициалы подходят к имени «Варвара Кошкина» - это и есть ваше главное доказательство?

Девятов пожал плечами:

— Мы бы век еще искали девицу с такими инициалами. Но вдова покойного вспомнила, что такой же вензель принадлежал ее подруге по театру – и указала на Варвару Егоровну.

— Неужто вы пытаетесь сказать, что вдова Фогеля – тоже актриса? Соперница Варвары Егоровны по сцене. И она же указала вам, чья это перчатка?

Кирилл Андреевич смотрел на сыщика со скепсисом. Всячески подавлял в себе желание вспылить и обозвать его некомпетентным дураком, которому не место в полиции. Но пока что сдерживался. Ждал подвоха. Не может ведь все быть так очевидно!

— Бывшая актриса, - поправил Девятов так, будто это в корне меняло дело. – Она уже с полгода как в театре не служит. Она могла, конечно, благоверного приревновать к мо-

лодой артисточке – да и имела на то все основания, если уж говорить прямо! Перчатка Варвары Егоровны под кроватью этого драматурга о многом говорит, знаете ли… Но, повторюсь, у нее алиби! Персонал ресторана мною лично опрошен, и каждый подтвердил, что с одиннадцати вечера до семи тридцати следующего дня она не покидала заведения «Палкин», что на углу Невского и Владимирского проспектов. Праздновали именины одного из гостей. А в восемь, по словам дворника, она уже вернулась домой, пройдя мимо него – чтобы семь минут спустя в ужасе, слезах и криках снова выбежать. После она сбивчиво объяснила, что ее супруг совершенно мертв, а дворник уж сам догадался звать полицию.

— Для актрисы, пусть и бывшей, изобразить слезы – проще простого… - не очень уверенно отозвался Кирилл Андреевич. – А за семь минут тоже вполне можно застрелить человека: кто знает, что меж супругами произошло в эти семь минут…

Но Девятов и эту версию отмел, пригвоздив окончательно:

— Нет-нет, когда приехал судебный медик, то решительно заявил, что Фогель мертв уже не менее шести часов. То есть смерть наступила около трех ночи. Не могла его супружница порешить – ну никак не могла! Как бы нам с вами этого ни хотелось, милый Кирилл Андреич…

Воробьев, так и не сумевший возразить, смотрел зло и

хмуро. Версия об убийстве женой мужа была ладной, складной и очевидной. И рушилась из-за сущей ерунды – расхождении во времени! Спросил:

— Кого привлекли в качестве судебного медика?

— Нассон, Михаил Львович – лучший в городе.

И снова Воробьев не сумел возразить: Нассон был в своем деле хорош. Кошкин на его мнение всегда полагался, во всяком случае. Это заставляло поверить в невиновность жены Фогеля еще больше.

— И с кем же была в «Палкине» эта особа всю ночь? – спросил Воробьев, наконец.

— С близким другом, - Девятов гаденько ухмыльнулся. – Имя отказалась называть напрочь и более всего, кажется, заботилась, чтобы мы этого имени не узнали.

— Любовник?

— Ну а как вы думали? Богема! Актриски, певички, драматурги всякие – жизнь у них повеселее нашей с вами будет – никаких предрассудков. Уж не столь важно, каково его имя, но по намекам – и денежки у него водятся, и титулов полно, и родня имеется, вхожая в Зимний…

— Могу я встретиться и поговорить с этой госпожой Фогель? – решительно спросил Воробьев.

Ничуть он не сомневался, что выведет ее на чистую воду и заставить сознаться в убийстве! Проблема виделась лишь в том, что Девятов может воспротивиться его участию.

Глава 2. Вещественные доказательства

Девятов не горел желанием соглашаться – но и отказывать не торопился.

— Это не она, уж поверьте моему опыту. Такие дамочки, как эта Фогель, и револьвер в руках не удержат, - попытался он настоять на своем.

— Но и не Варвара Егоровна – тем более, - парировал Кирилл Андреевич, продолжая горячиться. – Вы же сыщик, в конце концов, Девятов, не глупите! Пусть у Фогель отличное алиби, но и матушка Вари, и их прислуга без сомнения подтвердят, что ночью она никуда не отлучалась!

— Может, и подтвердят, - сморщился и отмахнулся Девятов, - но какая вера матери в сем деликатном вопросе? Конечно же она станет дочку защищать и наврет с три короба. А о прислуге и говорить не стану – люди подневольные.

Воробьев злился, сверкал стеклами очков, и аргументы его были на исходе. Оставался один – крайний.

— Так что же, - с вызовом вопросил он, - мне ответить Кошкину, коли спросит, что вы и пальцем не пошевелили в попытках разобраться, прежде чем обвинили его сестру во всех мыслимых грехах?!

Михаил Алексеевич этого не хотел, уж точно. Притих и

насупился. То ли совестно было перед Кошкиным, что снова действует во вред ему – а скорее, опасался нарваться на неприятности. И должность, и чин у Кошкина были куда выше, и при желании он мог сильно попортить тому карьеру…

И позже, покуда тряслись в казенном экипаже до улицы Фогелей, Девятов даже принялся уверять его в самых преданных чувствах к Кошкину. Стрелял хитрющими внимательными глазенками, проверяя его реакцию, и повторял, что, мол, никогда особенно и не верил в вину Вари.

— Кабы Варвара Егоровна не призналась сама, своими словами, что перчатка, мол, еешная, то и разговора-то не было бы, по правде сказать… Но коли Степан Егорыч попросит, то можно те слова и вымарать-то из протокола… - добавил он совсем тихо под стук колес по мостовой – Воробьеву даже показалось, что ослышался.

Отвечать он не стал.

Увы, Девятов навязался ехать с ним. Подобных типов, изворотливых и лживых людей, с двойным, а то и тройным дном, Воробьев терпеть не мог. Потому что не понимал их, а мотивы их и цели казались ему до того глупыми, приземленными, примитивными, что и вникать в их суть было жалко времени.

Ему-то всегда, с раннего детства, всего хватало вдоволь. И внимания родительского, и материальных удобств, и уж тем более денег, которые виделись ему лишь пустыми бумажками – средством, на которых можно купить хорошее обору-

дование, редкие полезные книги, да сносные предметы обихода.

Достичь высот в карьере, в научном мире он, разумеется, мечтал – еще как! И тоже на пути его не раз вставали личности, подобные Девятову – что злило, порой, неимоверно!.. Однако весь интерес, вся соль научной его работы виделась ему в самом процессе, в ежедневной рутине (другие называли это рутиной – не он!), в долгом стоянии у лабораторного стола над микроскопом, да в осторожном, скрупулезном, опасном – о, да, опасном и нередко – смешивании реактивов. Пожалуй, именно в те часы, пролетающие обычно слишком быстро, он и бывал по-настоящему счастлив.

Раньше так было, по крайней мере… С некоторых пор это ощущение счастья и безмятежности, когда он наблюдал удачно протекающий химический опыт, несколько притупилось. А порой и вовсе пребывание в лаборатории не столько делало его счастливым, сколько всего лишь позволяло отвлечься от лишних, нагоняющих на него тоску и боль мыслей…

Таковая тоска и метания неведомы были Девятову – так полагал Кирилл Андреевич, по крайней мере.

А потому и не знал как с людьми, подобными ему, иметь общие дела, да и вовсе вести диалог. Потому и не особо радовался, что нынче настоял на своем и вынудил Девятова познакомить его с вдовой Фогель… Очень уж легко Девятов поддался. Может, и теперь недоговаривает?

* * *

Обитали супруги Фогель в весьма и весьма скромной квартирке на верхнем этаже доходного дома. И даже вход в ту квартирку был со двора, что говорило о крайне низкой ее стоимости. По фототаблицам Воробьев помнил тесную спаленку, большую часть которой занимал стол, заваленный бумагами с рукописями, грязными чашками из-под чая, россыпью табака и окурками; крохотную гостиную, казавшуюся еще меньше из-за количества разномастной мебели в ней – хлипенькой и дешевой, но обитой пестрыми тканями с претензией на роскошь. Все расставлено кое-как, без смысла и вкуса, создавая видимость ужасного беспорядка, будто в доме еще и обыск был…

Теперь же, хотя со дня разыгравшейся здесь трагедии, прошло меньше недели, квартира оказалась вычищена дочиста. Дешевая мебель никуда не делась, но беспорядок и личные вещи исчезли. Квартира выглядела брошенной – новоиспеченная вдова точно здесь не жила. Как оказалось, они и застали ее случайно – в гардеробной, где дамочка, не торопясь и напевая под нос, паковала чемоданы. Выглядеть хоть сколько-нибудь расстроенной своим вдовством она и не пыталась.

Назвалась Инессой, старательно произнося это имя с французским прононсом, и сунула под нос Воробьеву свою надушенную и унизанную перстнями ручку – видимо, для поцелуя. Воробьев-то увернулся… а Девятов ручку поцело-

вал охотно и с чувством, отсыпав попутно уйму комплиментов.

Ничуть не удивительно было, что Михаил Алексеевич с этой Инессою нашли общий язык практически с первого слова, да так и остались болтать о всяческой чепухе, позволив Воробьеву осматривать спальную – место убийства – сколько ему вздумается.

Правда, осматривать в спальной было нечего: комната оказалась вычищена получше иной операционной. Ни кровати, ни письменного стола, ни полки с туалетными принадлежностями, где лежал некогда револьвер. Бурые, замытые, не слишком заметные глазу разводы от крови на стене – вот и все, что напоминало о недавней трагедии. Пришлось вернуться к хозяйке и просить позволения рассмотреть вещи в коробках – убранные из спальной, но еще не увезенные.

— Мне уж новую квартиру наняли, в хорошем доме, с хорошей прислугой, исполнительной – не то что здесь… - поморщила носик Инесса, пояснив, куда именно переезжают ее вещи. – Но вы можете поглядеть, конечно. Все равно эту коробку в мусор велю отнести: нет здесь ни единой дорогой моему сердцу вещи.

На вид Инесса Фогель была немногим старше Вари, тоже блондинка, стройная, невысокая, миловидная. Брак этой женщины, очевидно, оказался неудачным. Она не скрывала этого, и Кирилл Андреевич даже благодарен ей был за прямоту, что не стала юлить да путать их еще больше. Казалось,

еще чуть-чуть – пара вопросов, пара улик, и она непременно сознается, что собственноручно застрелила мужа!

С поиска улик Воробьев и начал.

А из коробки уже выглядывала и сама просилась в руки та самая свадебная фотокарточка в рамке – ее-то Воробьев и желал рассмотреть получше. И да, на стекле действительно была трещина, которую он заприметил еще на фототаблицах. И не просто трещина…

Глаза Кирилла Андреевича загорелись, когда он почуял то самое – скорую разгадку – и он поспешил открыть свой собственный чемоданчик с принадлежностями. Главное его богатство! Внутри, в бархатных ложементах, притертые резиновыми жгутами, покоились орудия его ремесла.

Воробьев вооружился лупой, острым скальпелем и бумажным конвертом, чтобы добыть и ссыпать внутрь улику – ибо на стекле, в самой трещине и вокруг нее были едва заметные глазу, бурые следы засохшей крови. Совсем немного, но явно были! Воробьев собирался, конечно, позже удостовериться в лаборатории. Да и рамку надеялся забрать в качестве улики – но он и теперь не сомневался, что это кровь!

Хотя, наверное, рамку могли разбить да порезаться стеклом задолго до трагической ночи…

— Давно здесь трещина? – поинтересовался тогда Кирилл Андреевич, на полуслове перебиваю живую беседу рядом с ним.

Инесса приблизилась. Наклонилась над рамкой, снова по-

морщив носик.

— Не помню, право слово. Может, и давно. Разве это имеет какое-то значение?

Веселая да спокойная только что, она начала вдруг заметно нервничать.

— Думаю, что никакого, милая госпожа Фогель… - утихомирил ее Девятов, тоже посмотрев Воробьеву через плечо. – Но рамочку, с вашего позволения, мы все же заберем. Вы не против?

— Забирайте, что хотите, - отмахнулась она. – Мне дела нет до этого человека. Он подлец и изменник! Ни одной слезинки по нему лить не собираюсь!

— Изменять такой очаровательной женщине, как вы – сущее преступление! – согласился с нею Девятов. – И что же… вам достоверно известно о… скажем так, факте измены?

— Разумеется! Да вы же сами забрали перчатку, принадлежащую этой паршивке?! Это ее маменька и наряд для ужина после премьеры ей пошила, и те перчатки. И вензели это именно что ее – сама сколько раз видела! К слову, ее уже арестовали? Или она имела наглость отпираться?

Девятов и Воробьев, тщательно упаковывающий фоторамку в свой чемоданчик, переглянулись. Вдова Фогеля была чересчур настойчива в том, чтобы арестовали именно Варю, а не кого-то другого – что даже Девятова насторожило.

Да и после, пока Воробьев перебирал иные предметы из коробки, вдова, в силу глупости своей не понимая, что зака-

пывает саму себя, рассказывала, какая Варя выскочка, как всюду лезет со своим меццо-сопрано, и как после небольшой ссоры меж ними полгода назад (она всего-то Варе платье испортила – совсем-совсем случайно!), директор театра рассудил так, что Варю признали стороной пострадавшей, а ее… вежливо, но настойчиво попросили из театра уволиться.

Это был самый что ни на есть мотив – причина, по которой вдова Фогель могла бы обвинить Варвару Егоровну во всех мыслимых преступлениях! Пожалуй, с таким настроем она догадалась бы и треклятую перчатку выкрасть, а после оставить под супружеской кроватью!

Правда, убивать мужа, пусть и нелюбимого, только затем, чтобы подставить бывшую соперницу по сцене… как-то это слишком. Даже для весьма недалекой актрисы.

— А это что? – снова на полуслове Кирилл Андреевич перебил Инессу и Девятова, извлекая из коробки новую улику.

Быть может, и зря перебил: Девятов все же не пустой болтовней с нею занимался, а, любезничая, соглашаясь и сыпля комплиментами, умудрялся выведывать все новые факты. И это могло бы быть полезным в будущем. Но предмет, который Воробьев достал, был очень уж любопытным.

Небольшой овал – меньше женской ладошки в длину. Синий. Кажется, восковый. С занимательной резьбой по всей поверхности. По окружности шел мелкий неразборчивый в здешнем освещении текст на латыни, а вот по центру неплохо читался символ. Прямая жердь, перечеркнутая тремя вол-

нистыми линиями. Значение символа Воробьев вот так сходу припомнить не смог, но как будто это было что-то очень знакомое… Потому и спросил.

— Не имею ни малейшего понятия, - пожала плечами Инесса, и глаза ее снова стали настороженными. – Должно быть, супруг принес в дом… Вениамин, знаете ли, всегда был чудаком и интересовался разным… вот таким.

Она кивнула на предмет будто бы даже с опаской, причины которой Воробьев понять не смог. Неужто вещица имеет мистическое, оккультное значение?

— Давно ли она появилась в вашем доме, не припомните? – спросил он.

— Нет, совершенно не помню, - поджала губы вдова.

Может, и сказала бы что-то еще, но от нее не очень-то вежливо отмахнулся Девятов:

— Да бог с нею, с безделушкой! – он снова потянулся к убранной уже фоторамке и вдруг похвалил:

— А вы молодчина, Воробьев! Это ведь и правда улика! Я и сам, знаете ли, начинал когда-то специалистом по следам при полиции – очень меня за это Степан Егорович ценил, - рассказывал он, самодовольно поглаживая усы. – Привык из малейших деталей общую картину складывать. Так вот, дорогая госпожа Фогель, при осмотре тела вашего супруга меня сразу насторожила одна деталь!

Он прищурился и выжидающе смотрел на Инессу, будто бы давая ей шанс признаться самой. Она не признавалась.

— У Фогеля был порез – на большом пальце левой руки. Совсем свежий: кровь едва запеклась. Я на рамку-то в тот раз не догадался взглянуть – а теперь все сходится: трещина на стекле и порез на пальце!

— Он держал эту фоторамку в руке в момент смерти… - сообразил Воробьев. – Возможно, это убийца и вынул после рамку да поставил на стол у зеркала!

Мысли у Кирилла Андреевича скакали, путались в попытках сложить факты воедино, а оттого он не сразу заметил, как разволновалась при их разговоре Инесса Фогель. А она даже побледнела и стала чуть-чуть заикаться:

— Ка-какие глупости… Зачем это паршивке, Кошкиной, его… его любовнице это делать?!

— Вот именно! – перебил ее Девятов, подняв указательный палец для пущей важности. Прищурился: - Варваре-то Егоровне незачем этого делать! Ведь не было здесь никакого убийцы, верно, дорогая Инесса? Никто вашего мужа не убивал!

Признаться, теперь уж Воробьев и сам растерялся, не понимая, к чему тот клонит.

Девятов продолжал:

— Брак ваш, увы, был несчастливым, дорогая Инесса, вы вашему супругу изменяли направо и налево – и не вздумайте отпираться! А тут и вовсе любовничка завели постоянного, уйти насовсем, вероятно, подумывали – на содержание к барону какому али графу. Какому ж рогоносцу такое по-

нравится? Иной бы, кто поумнее, плюнул бы на таковую женушку, да и получше кого сыскал. Вот хотя бы и с Варварою Егоровной лямуры завел! Но некоторые… из богемы, вроде вашего мужа – упьются до полусмерти, да и… себе в висок! Глядя на фотокарточку изменницы – для пущего драматизма! Ну любите вы, чтоб покрасившее все выглядело! А вернувшись с гулянки вашей, дорогая Инесса, да застав сию картину с мертвым супругом, вы подумали-подумали, да решили заодно и от давнишней врагини вашей избавиться, от Варвары Кошкиной. Подбросили перчатку еешную под кровать, револьвер переложили подальше, да рамку из руки супружника вашего вынули и тоже на столик поставили – чтоб на самоубийство-то меньше походило! Так все было? Отвечайте, когда именно вы украли перчатку из театра?!

Воробьев и сам лишился дара речи. Только что Девятов любезничал с этой Фогель – а теперь что же? Открыто обвиняет?

И уж точно обвиняет не напрасно! Инесса выказывала все признаки загнанной в угол преступницы: бледнела, краснела, дрожала губами и даже пустилась в слезы:

— Я… я не понимаю, о чем вы говорите! - всхлипывала она и театрально заламывала руки. – Я не брала никаких перчаток… Эта Кошкина, это все она! Она убила моего мужа!

— Ох, умоляю вас, не лгите! – поморщился, не тронутый ее слезами Девятов. – По правде сказать, нынче у меня один лишь вопрос: вы сами сей план выдумали, или ваш сердеч-

ный друг стал, так сказать, пособником? А спрошу-ка я у него лично!..

— Нет-нет, только не это! – от неожиданности Инесса даже плакать прекратила. – Он ничего не знает – не говорите ему!

Сказала – и тотчас поняла, что себя выдала.

Воробьев даже мысленно поаплодировал Девятову. Так наскоро – за четверть часа каких-то – даже Степан Егорович, кажется, преступников на чистую воду не успевал вывести. В его присутствии, по крайней мере. Но Кошкин-то действовал аккуратней, деликатней, осторожней, перепроверяя свои догадки и удостоверяясь в их точности. Ибо знал, каково это, быть обвиненным понапрасну – и не желал вот так огульно обвинять других.

Девятов же был наглее и проще – шел напролом. Но результаты это давало!

Впрочем, едва Кирилл Андреевич об этом подумал, как все пошло не так, как задумал Девятов. Вместо того, чтобы разрыдаться пуще прежнего и во всем сознаться, Инесса вдруг собрала все свое мужество, вскинула белокурую голову и заявила:

— Вы ничего не докажете! Снова вам говорю – во всем виновата эта паршивка Кошкина! Ведь это ее перчатку вы нашли, она и сама призналась – вы говорили! А мой любимый – он настоящий мужчина, не чета вам! Благородный, честный, великодушный! И не какой-то там барон, а самый

настоящий сиятельный граф, наследник титула! И он ради меня, своей женщины, горы свернет! А теперь убирайтесь вон! Более нам говорить не о чем…

* * *

Спускались молча. Только на улице Воробьев выдохнул – и посмотрел на Девятова так, будто увидел впервые. Недооценил он Михаила Алексеевича.

— Вы и впрямь думаете, что Фогель сам себя убил?

Девятов убежденно, без тени сомнения, кивнул. Поправил шарф и заявил абсолютно буднично:

— Я ведь еще когда впервые туда вошел, о самоубийстве первым делом и подумал. Все признаки налицо! Замки в квартире не взломаны, дворник посторонних лиц в округе не наблюдал, выстрел опять же – в висок, да с правой стороны. А Фогель именно что правша. Более того, скажу вам, Кирилл Андреевич: вы-то тела не видели, но на правом виске все доказательства, что дуло прямо в голову и упиралось. И следы пороха на коже, и разрывы соответствующие. Уж потом переложенный револьвер да перчатка под кроватью заставили передумать. Я ведь так легко и поверил, будто виновница – Варвара Егоровна, потому как, ежели его и убили, то это сделал кто-то очень невысокого роста. Чтобы с ним, сидящим, вровень стоять. Как Варвара Егоровна!

Воробьев выслушал внимательно и пожал плечами:

— Инесса тоже невысокого роста… Как и многие женщины.

Отчего-то ему в версию о самоубийстве до конца не верилось, и он намеревался многое еще прояснить. И прояснить немедля.

— Вы правы были, Михаил Алексеевич, что нам следует потолковать с этим ее сердечным другом, кем бы он ни был. Следует поехать в тот ресторан, где Инессе обеспечили алиби, и расспросить персонал снова. Кто-то да назовет его имя!

— Сейчас? Помилуйте, уж фонари зажигают, ночь скоро…

Да, темнело теперь рано, а фонарщики выходили на свою работу еще раньше – задолго до наступления сумерек, зажигая газовые рожки уже к трем часам дня. Их фигуры в длинных брезентовых балахонах скользили вдоль набережной Малой Невки на Петербургской стороне, и огоньки один за другим вспыхивали в сыром воздухе, расплываясь желтыми пятнами.

Снаружи еще было серо, но в окнах уже то там, то тут зажигался свет. Должно быть, и Девятов торопился к жене и трем своим детям, а потому надеялся скорее с Воробьевым распрощаться, а не ехать черт знает куда – пусть даже и в фешенебельный ресторан. Благо, Кирилл Андреевич искренне не замечал этого и порыва, а продолжал диалог, как ни в чем не бывало. Ему-то торопиться было некуда и не к кому.

— Конечно сейчас! И нам следует поехать именно что до темноты – пока в заведении гостей не слишком много. Едем же?

Казенный экипаж был на ходу, и они действительно могли добраться до ресторана вскорости. Но Девятов поглядывал на него с тоской, продолжал стоять на ветру и затягивался папиросным дымом. Прищурился:

— Славная у нас компания вышла, Кирилл Андреевич, и я с вами поработать завсегда рад, ей-богу. Вот только… это Инессе я наговорил всякого – припугнул, так сказать. А на деле-то, признаться, мне совсем не хочется с тем ее титулованным графом связываться. Забот у меня и так хватает, знаете ли. Да и зачем, если можно куда проще поступить? Я ведь не шутил, Кирилл Андреевич, - понизил он голос, - когда говорил, что показания Варвары Егоровны про перчатку можно вымарать из бумаг, да и все. Или, если угодно, допросить девицу снова. Чай, вспомнит на сей раз, что ошиблась, да что это вовсе не ее перчатка. Скажет, обозналась.

— Но это ее перчатка… А подлог протокола – преступление!

— Ну не глупите, Воробьев! – Девятов зло швырнул на мостовую недокуренную папиросу. – Как можно быть таким твердолобым, право слово?! Неужто не понимаете, если эта грязная история с перчаткой под кроватью драматурга вылезет наружу – станет достоянием общественности – никто и разбираться не пожелает, подбросили ее или нет! На репутации Варвары вашей Егоровны сей же миг крест поставить можно будет! И Кошкину достанется, будьте уверены, и всей его молодой семье! Этого хотите?

Кирилл Андреевич тяжело сглотнул. Он этого, конечно, не хотел. Но и то, что предлагал провернуть Девятов, казалось немыслимым.

— Но история с подлогом протокола тоже может вылезти наружу… - отозвался Воробьев. – Не сейчас, так через месяцы, через год или два. В самый неподходящий момент. И тогда все беды увеличатся многократно… Нет, так нельзя! – заявил он убежденно. – Нужно вывести вдову Фогеля на чистую воду, заставить ее признаться, что это она выкрала перчатку! Только так можно имя Вари и очистить!

— Нет ей резона признаваться, - мрачно заявил Девятов. – Зачем, ежели знает, что этот ее граф все грешки ее прикроет? А арестовывать ее без начальственной команды я не стану, и не просите даже!

Арестовывать Инессу Фогель было как будто не за что. Подать на нее в суд за клевету могла разве что сама Варя – но сыскная полиция таковыми делами не занималась. Обвинять же ее в убийстве мужа никто всерьез не думал.

А впрочем…

Воробьев поднял отвороты пальто, ежась на октябрьском ветру, но мыслями был далеко. Они уже не скакали беспорядочно, не зная, за что зацепиться, а сами собой начинали складываться во вполне логичную картину.

— Михаил Алексеевич, я вот о чем подумал… Фогель более всего обозлилась, оттого что вы ей правильный вопрос задали: *когда*она украла перчатку Вари. Когда! Еще во вре-

мена своего сценического прошлого? Или недавно? Как бы там ни было, она незваной явилась в театр, откуда ее уволили, тайком пробралась за кулисы и выкрала не чью-то случайную деталь гардероба, а своей давней соперницы! Так с каким умыслом она это сделала? Заранее знала, что перчатка вскорости пригодится?!

Девятов смотрел зло, исподлобья – будто это его обвиняли сейчас. С тяжким вздохом потянулся за новой папиросой, – до чего ж мерзкая и пагубная привычка! Очень ему не хотелось признавать напрашивающийся вывод.

— Мы ведь оба сошлись, Кирилл Андреевич, что это было самоубийство…

— Или убийца хотел, чтобы полиция на том остановилась, да закрыла б дело! Но вмешалась неудачливая артистка со своею местью!

Девятов отмахивался и морщился:

— Очень уж мудрено… Повторюсь, не стану я арестовывать Фогельшу на основании сих надуманных предположений! Вам-то, Кирилл Андреевич, легко рассуждать! Вам лишь бы Вареньку, зазнобушку вашу спасти – а потом запретесь в лаборатории вашей и носа оттуда не покажете! Мне одному перед графом тем отдуваться?! Нет уж, увольте!

Кирилл Андреевич вспыхнул негодованием – при словах, что кто-то может вообразить, будто чувства его к Варе не только лишь дружеские! Что за чушь, право слово! И как же злило, что Девятов всех меряет по себе!

Но попытался отринуть эмоции и говорить обстоятельно:

— Арестовывать ее я вас и не прошу. Вы с другой стороны взгляните, Михаил Алексеевич: что, если Фогель и насчет любовника лжет? Мы лишь с ее слов слышали, будто он граф. А вдруг он, скажем, лавочник средней руки да с уголовными друзьями-приятелями – тогда иная история ведь! Раскрытие мудреного, как вы выразились, убийства; спасение доброго имени девицы, да и Степан Егорович вас лично благодарить станет – без сомнений. Все газеты о том расследовании бы писали! И вся слава – вам одному! Я на ваши лавры ни в коем случае не претендую… Каково?

Глаза Девятова влажно заблестели, будто бы он воочию представлял заголовки тех газет.

— Всего-то нужно поехать в ресторан и выспросить, с кем приехала в тот вечер Инесса Фогель, - договорил Воробьев.

Ему было странно, что Михаил Алексеевич все-таки поддался. Даже не знал, гордиться ли собой, что научился говорить с этим человеком на одном языке, или нет…

Глава 3. «Палкинъ»

«Палкин» открывался только к полудню, и до самых вечерних часов в его стенах шло так называемое дневное обслуживание – обеды да завтраки в кабинетах, скрытых от лишних глаз и ушей. Разнообразные купцы, кто побогаче; чиновники с достаточным жалованием заглядывали провести время в тишине и роскоши, чтобы отобедать или устроить деловую встречу. «Высокая» публика являлась сюда намного позже, при свете луны да газовых фонарей – поужинать перед визитом в театр или отпраздновать встречу, помолвку, именины. А чаще и вовсе без повода. Для их удовольствия в главном из двадцати пяти залов играл струнный оркестр – негромко, так, чтобы музыка не перебивала разговоров, а лишь придавала беседе особый, салонный оттенок. Звуки скрипки лились сквозь сизый табачный дым, и в промежутках между тостами слышен был звон серебряных приборов о тонкий фарфор.

Кирилл Андреевич не очень жаловал подобные заведения: откровенно скучал во время застолий и, внимая струнному квартету, остро печалился о напрасно потраченном времени.

А впрочем, помнится, еще в молодости, когда его университетский приятель весьма удачно женился на графской дочке и по сему поводу закатил пир именно в «Палкине» – Во-

робьев разок отлично провел время… По счастью, у него с собой оказались карандаш и блокнот, с ними Кирилл Андреевич и уединился на добрых полтора часа на бортике бассейна со стерлядями, меж кадками с пальмами и олеандрами, и сделал тогда отличнейшую выкладку формулы, которая позже легла в основу его диссертации! Стоит ли говорить, что после того случая, приятели не особенно звали его на праздники, а если и звали, то у Кирилла Андреевича всегда были при себе блокнот и карандаш…

* * *

Девятов же как будто в «Палкине» до сего дня и не бывал: с горящим взором он оглядывал позолоту стен, блеск хрустальных люстр и дивился мраморной лестнице, будто это что-то из ряда вон. Хотя, помнится, утверждал, будто уже лично опрашивал персонал.

Солгал, выходит: послал кого-то из подручных… А у Кирилла Андреевича закрались новые подозрения, что алиби госпожи Фогель не такое уж железное.

— Да, я определенно помню эту даму, - глядя на фотокарточку Инессы, однозначно подтвердил метрдотель тем не менее.

Метрдотель, седовласый немолодой француз, одетый в безупречный смокинг и гладко выбритый. Говорил он по-русски прекрасно, но не забывал про акцент – персоналу «Палкина» говорить без французского акцента, пожалуй, что было вовсе запрещено.

— Не могло ли быть так, что дама на фотокарточке просто похожа на ту, что вы видели? – едко допытывался Воробьев.

Метрдотель ни малейшего признака раздражения не высказывал – говорил тихо, чтобы не потревожить гостей, но четко и обстоятельно.

— Не могло. Имя не припомню, - посмотрев на карточку снова, добавил он, - но дама была блондинкой и носила тот раз вечернее платье bleu roi[5]с открытыми плечами и бриллиантовой брошью.

— Весьма изыскано!.. – оглядываясь с любопытством, заметил Девятов.

А Воробьев зацепился за оговорку:

— В тот раз? То есть она бывала здесь прежде?

— Да… нередко.

— И вы все равно не помните ее имени? – прищурился Воробьев. – И не помните, кто ее сопровождал?! Ведь, разумеется, она была здесь не одна!

— Быть может, ее зовут Инессой… - метрдотель кашлянул. Выдавать ее имя ему определенно не хотелось. – Не уверен. Но фамилии точно скажу. Ей-богу не помню, господа. Как и имени сопровождающего… в тот вечер было много гостей, прошу меня простить за забывчивость.

Воробьев разозлился и уж полез за бумажником, дабы помочь освежить его память – но, благо, сам сообразил, что у метрдотеля в этом заведение жалование едва ли не боль-

[5] «Королевский синий» (фр.)

ше, чем у него самого. Нет, забывчивость его была вызвана не жаждою наживы, а лишь тем, что не пристало служащим первого ресторана столицы сплетничать о своих постояльцах. За такое можно было запросто и места лишиться.

Метрдотель даже, уловив этот его движение – в карман за бумажником – холодновато улыбнулся и наклонил голову. Понизил голос и того больше:

— Даже если б я и помнил его имя, то назвать бы никогда не посмел, увы. Но заверяю вас, господа, что этот молодой человек – исключительно порядочен и никогда не бывал замешан ни в чем неподобающем. Он наш постоянный гость и едва ли хотел бы, чтобы его имя упоминалось в присутствии полиции.

— Поверьте, милейший, уж лучше в присутствии полиции, чем на заседании суда! - веско хмыкнул вдруг Девятов и разгладил усы.

Понижать голос в тон метрдотелю он не собирался, а говорил как будто даже громче обычного – на него уже оборачивались с волнением немногочисленные дневные гости.

— Видите ли, милейший, у полиции – меня, то бишь, - продолжал он самодовольно, - имеются подозрения, что дамочка эта, Инесса, замешана в деле об убийстве. Да, пока это лишь подозрения… но если они вдруг подтвердятся, то мне ничего не будет стоить навести шороху в вашей этой харчевне! До выяснения всех обстоятельств, милейший. И ведь я сам, да и подручные мои, бравые ребятки, могут не аккурат-

но в дневные часы явиться, а вечерком, когда тут народу поболе. А потом и караульных оставить у дверей на денек-другой. Понравится вашим высокородным гостям, коли полиция будет в книжицу имена всех входящих записывать, да с кем явились, да о чем говорили?

— Неужто угроза? – Метрдотель, ко всему привычный, и теперь самообладания своего не растерял. Как и французского акцента. — Вы, разумеется, можете прислать ваших… ребят. Но «Палкин» – не харчевня. У нас, видите ли, и для стола государя-императора кушанья заказывают. А котлеты из кролика, рецепт которых создан по случаю помолвки Николая Александровича и сейчас – единственный и эксклюзивный в своем роде. Это вас, сударь, заменить можно – но не ресторан «Палкин»!.. Или вы великих князей тоже изволите в книжицу свою записывать?

Воробьев уж подумал, что шантаж его сотоварища не сработал, да и сам Девятов порядком сник… тем неожиданней было, что француз-метрдотель, несколько нервно дернув шеей, все-таки не замолчал, а продолжил куда миролюбивей:

— Я могу ошибаться, конечно… но вышеназванную даму, Инессу, сопровождали Его сиятельство молодой граф Верстов-Эльсберг, Илларион Александрович. Это все, что я могу сказать. Человек он исключительной порядочности и благородства, широкой души человек – очень щедр! Браком он не обременен, а оттого может себе позволить сопровождать кого угодно… Признаться, дамы с ним бывали разные, в по-

следнее время – исключительно Инесса. И в тот вечер она действительно все время была на виду, я сам могу за это поручиться. Дама яркая – ее ни с кем не перепутаешь.

— Ну а этот ее сопровождающий – граф? – едко поинтересовался Воробьев. – Он тоже не отлучался?!

Инесса – ладно, едва ли верилось, что женщина будет стрелять в мужа из револьвера. Но этот ее граф явно имел куда более веский мотив устранить супруга любовницы. По крайней мере, так казалось Кириллу Андреевичу.

И он бы непременно припер ушлого метрдотеля фактами к стенке да выудил бы обвинительные показания… Если б в этот миг его самого тихонько не тронул за локоть другой официант.

— Прошу простить, сударь. Когда освободитесь и, ежели вам будет не в тягость, вас с приятелем приглашает пожаловать к ним за столик ваш друг, господин Соболев, Денис Васильевич. Третий столик от окна, - он с поклоном указал рукой.

Кирилла Андреевича не столь удивило, что купец первой гильдии, банкир Соболев, обедал здесь именно в этот час – сколько то, что сей господин, к которому он не питал никаких теплых чувств – ни с того ни с сего назвал его другом!

Тем не менее об Инессе и ее графе Воробьев тотчас позабыл.

Потому что за третьим столиком от окна, жадно обернувшись к нему темноволосой кучерявой головкой, сиде-

ла и сестра Соболева – Александра Васильевна. Сашенька. Неудавшаяся невеста Воробьева.

* * *

Называть ее Сашенькой – к счастью, лишь мысленно, – Воробьев так и не отучился. Хотя стоило, давно уже стоило и было необходимо! Потому как обедала в ресторане в этот час она в обществе не только брата, но и Алексея Громова – того самого Громова, который еще пару месяцев назад бесстыдно за нею увивался! Увивался – а теперь сидел с Соболевыми за одним столом, весь напыщенный, напомаженный, в очках той же марки, что и у Воробьева. И Кирилл Андреевич даже знать не желал, о чем они вели беседу!

Тем не менее, забыв о Фогелях, словно их и не существовало никогда, в несколько размашистых шагов приблизился к столу.

Искренне воображая при этом, что ведет себя светски-холодно и никоим образом своего отношения к Сашеньке не выказывает! Решил даже не целовать ее руку, коли подаст! Решил и вовсе на нее не смотреть на всякий случай…

Проверять, получится или нет, к счастью, не пришлось: Денис Соболев первым поднялся ему на встречу, перетягивая все внимание на себя.

— Кирилл Андреевич! Сколько лет, сколько зим! – охотно протянул руку и едва ли не приобнял, как старого доброго друга. - Вот уж не ожидал встретиться вот так, но весьма рад. Вы присаживайтесь! И товарища вашего приглашайте к

нашему скромному столу…

Соболев жестом завсегдатая велел официантам принести еще два стула, приборы и меню, а Девятов, и глазом не моргнув, не замедлил приглашением воспользоваться. Тотчас усадил свою фигуру на проворно принесенный стул и не без любопытства разглядывал троицу новых знакомых – еще до того, как Воробьев успел его представить.

— Господин Девятов, — тем не менее представил Воробьев. — Михаил Алексеевич, надзиратель сыскной полиции. Мы вместе работаем над одним делом.

Последнего можно было и не говорить, но Кирилл Андреевич не смог устоять: участие в расследованиях всегда было для него предметом гордости. А сказав, он тотчас нарушил собственный запрет и искоса поглядел на Сашу.

Она была смущена невероятно. Вжимала голову в плечи, смотрела то в сторону, то на брата – умоляюще, то на Девятова, настырно целующего ее руку через весь стол. На Воробьева она, казалось, тоже дала себе зарок глаза не поднимать. И руки ему не протянула. Хотела это сделать – Кирилл Андреевич уловил ее жест – но в последний миг передумала и накрепко обхватила пальцами собственное запястье. На лице при этом изображала вежливую полуулыбку.

Вот так значит?!

Что касается Алексея Громова, то Воробьев несколько поуспокоился в отношении него, когда Денис в разговоре назвал его нынешним управляющим «Банкирского дома Собо-

левых». Сашенька была держательницей наибольшего числа акций вышеуказанного банка – по завещанию матушки, урожденной Бернштейн, а Денис Васильевич о своей должности скромно умолчал отчего-то.

Выходит, их обед в «Палкине» носил исключительно деловой характер. Никак не семейный.

Вот только смысла приглашать к деловому обеду и их с Девятовым Кирилл Андреевич так и не мог уловить. Просто вежливость? Да нет уж, едва ли…

— Надзиратель сыскной полиции? Снова? – притворно изумился Соболев и ответил Девятову небрежным кивком. – Ох, Кирилл Андреевич, вы себе не изменяете: вечно у вас в друзьях… кхм… люди в погонах. Они вас разочаровывают раз за разом, а вы снова-заново!

Пренебрежение к Девятову было уже явным. Он что же позвал их только чтобы унизить? Но разозлило Кирилла Андреевича даже не это:

— Господин Кошкин – мой друг, - как мог сдержанней сообщил он, потому как, говоря о «людях в погонах», Соболев явно имел в виду именно его. - И я отказываюсь понимать, о каких разочарованиях вы говорите!

— Отказываетесь, так отказываетесь! – пожал плечами Соболев. - Бог с ним, с господином Кошкиным, я бы с куда большим удовольствием поговорил о вас, Кирилл Андреевич. И о ваших работах.

Воробьев в изумлении приподнял брови.

— А что вас удивляет? – Денис Соболев пожал плечами снова. – Вы человек в науке небезызвестный, а в химии так и вовсе… не сочтите за лесть, но вы – первое лицо русской химии! Не станете же вы с этим фактом спорить?

Кирилл Андреевич смотрел на него с недоверием и некоторым интересом. Нет, справедливости ради, не первое лицо, конечно. Сперва Николай Николаевич Зинин – «дедушка русской химии», потом, Менделеев, Бутлеров… возможно, Марковников. Ну а потом, вероятно, что и вправду он…

Только Воробьев и с собой наедине не решался признаться в таковых мыслях, не то чтобы услышать от кого-то. Но и льстить Соболеву как будто незачем.

— И, потом, как не загляну к сестрице своей, Александре, - ухмыляясь, договорил Соболев, - так вечно у нее под рукой какой-нибудь научный журнал. Да непременно на странице с вашей статьей развернут! Правда, Сашенька?

Саша, не зная, куда себя деть, лишь краснела, сутулилась, ниже наклоняла голову да лепетала, что очень ценит его вклад в науку…

Алексей Громов в разговоре не участвовал – ему до химии дела не было. Лишь дробно барабанил пальцами по столешнице.

Девятов посматривал на них всех с живым интересом, слушал, хмыкал и с аппетитом уплетал карпа в сметане. Обидные намеки Соболева, если его и задели, виду он не показывал.

Сам же Воробьев мало понимал, как все это расценивать…

Брат Сашеньки – единокровный старший брат по отцу, женатому на матери Саши вторым браком. Сколько знал Воробьев Дениса Васильевича, никогда он не был человеком легкомысленным. И словами понапрасну не бросался. Лет ему порядком за сорок, но моложавый, чернобородый, подтянутый. Любящий власть до безумия и себя вне этой власти не представляющий. Так он и не сумел с достоинством принять тот факт, что львиная доля акций банка – наследство мачехи – уплыло из его рук совершенно внезапно. Уплыло не к кому-то, а к младшей сестре: по прямому завещанию ее матушки и, соответственно, его мачехи.

Пресловутым «Банкирским домом Соболевых» Денис Соболев управлял долго и единолично, еще с тех времен, когда банк назывался «Банкирским домом Бернштейнов». Он был опытным финансистом и управлял, как ему, наверное, казалось, прекрасно. Действительно имел все шансы после смерти мачехи не только остаться директором-управляющим, но и сделаться главным пайщиком, полноправным владельцем.

Увы, вероломства с завещанием он не ожидал.

У Кирилла Андреевича не было желания вникать в структуру «Банкирского дома Соболевых», но, кажется, Денис и теперь имел некоторое количество акций и место в правлении банка. Однако главной пайщицей была отныне Саша. В один миг превратившаяся из старой девы и приживалки в

доме брата – в богатую наследницу и завидную невесту.

К слову, вскорости после сей метаморфозы Сашенька быть невестой Воробьева и перестала… Дала понять, что на брак с ним соглашалась когда-то от безысходности, и что все это время была влюблена в другого. Посчитала, что теперь-то имеет право на брак по любви

«Другим», между прочим, был Степан Егорович Кошкин – и это едва не положило их дружбе с Воробьевым конец…

К счастью, все в прошлом.

Кирилл Андреевич даже никогда не испытывал злорадства, что женился Кошкин вовсе не на ней, и что осталась Сашенька, по сути, у разбитого корыта. Пусть и миллионершей. Нет уж, после всего, что на ее долю выпало, Саша точно заслуживает брака по любви. Жаль, что с кем-то другим, а не с Воробьевым…

Но все в прошлом!

И все-таки Кирилл Андреевич снова посмотрел на Сашу. За ее смущением и неловкостью ему было почти физически больно наблюдать. Однако увидеть ее, хоть даже и так, украдкой, было невообразимо приятно. А краше ее застенчивой улыбки и чудесных янтарно-карих глаз он и вовсе ничего в жизни не знал.

Сделались ли ее глаза и улыбка еще лучше, чем прежде? Воробьев не мог сказать, ему всегда с трудом давались подобные суждения…

— Я нравлюсь вам, Кирилл Андреевич? Хоть немного?

- волнуясь, запинаясь, чуть слышно спросила его Сашенька когда-то очень давно, во времена их недолгой помолвки.

Перед этим – только что – Воробьев ее поцеловал, впервые. Пытался унять сердцебиение и до сих пор помнил мягкость ее губ и нежный фиалковый запах волос. А потому нелепостью этого вопроса был поражен до глубины души. Пожал плечами и сказал, что, если б не нравилась, он бы не попросил ее руки… Тотчас сообразил, что сказал что-то не то, и поспешил развить мысль:

— Разумеется, я считаю вас красивой! Пусть не традиционном смысле… в традиционном, в славянской культуре, красивыми считаются голубоглазые блондинки чуть выше вас ростом и порядком стройнее, с прямым «греческим» носом… но по-своему вы очаровательны, Саша. Да что там – вы идеальны, прекрасны! К тому же, нужно понимать, что привычные нам каноны красоты пришли не так уж давно, вместе с волной европейского классицизма на рубеже XVIII–XIX веков. Да и внешняя политика царицы Екатерины, предполагавшая освобождение православных народов Балкан, тоже сыграли немалую роль, введя моду на античность…

Договорив, Кирилл Андреевич потянулся, чтобы поцеловать ее снова, но Саша тогда, всхлипнув, быстро прикрыла ладонью свой крупноватый, с горбинкой нос и отвернулась к окну. Уверяла, что вовсе не плачет, это просто соринка в глаз попала.

Но это была не соринка…

Уже гораздо позже Кошкин, взглянув на него как-то странно, объяснил, что женщины расстраиваются, когда им говорят подобное. Воробьев не поверил ему, разумеется. Кто же обижается на правду? А аналитический подход хорош даже в комплиментах – тем более, если оный комплимент соединен с умеренным экскурсом в культурологию и историю… И приятно, и познавательно!

Но позже все-таки вынужден был признать, что Кошкин, возможно, прав. Ведь и первая его жена тоже пускалась в слезы, упреки и истерики, когда он говорил что-то подобное. Наверное, это не совпадение…

Уйдя в воспоминания, он не с первого раза услышал очередной вопрос, обращенный к нему:

— А что же тот ваш приятель… Кошкин, говорите, его звали? – все еще продолжал ковырять больную тему Денис Соболев. И с усмешкой глянул на сестру. - Слышал, он женился нынешним летом. К слову, удивлен, что тебя, Сашенька, не пригласили на свадебные торжества. А ведь вы так дружны были с тем господином, так близки!..

Воробьева услышанное застало врасплох. Кого он пытается уколоть таковыми словами? Даже не Кошкина теперь, а неужто сестру свою? А впрочем, у них всегда были неважные отношения.

А на Сашу и вовсе было больно смотреть теперь: она прятала лицо и едва не плакала. А хуже всего, что Воробьев не

знал, что и как ответить, чтобы ей помочь – чтобы и Кошкина, и ее, ни в чем неповинную, оградить от нелепых обвинений. Кирилл Андреевич считал себя человеком решительным, отнюдь не был трусом – но когда следовало проявить такт, участие, или же, напротив, ответить острым словцом – терялся и мог только беспомощно да неловко подбирать слова…

— Да вы нынче в ударе, Денис Васильевич, - вместо них с Сашей неожиданно подал голос Алексей Громов. - Натуральный цирк! – сказал он негромко, но насмешливо и без тени смущения. Практически в тон Денису. – Не стоило вам, пожалуй, дегустировать вторую бутылку коньяка подряд, да в столь ранний час. Утром ведь станете жалеть о сказанном. Слава богу, Александра Васильевна вольна сама выбирать свой круг друзей – это исключительно ее личное дело. Я вот не вижу причин для столь пристального интереса к чужим свадьбам.

— Ни годами, ни положением вы мне не ровня, Громов, чтобы советы раздавать! – взбесился на то Соболев.

Действительно взбесился, даже салфетку сорвал да швырнул на стол.

А Громов только хмыкнул и… Кирилл Андреевич едва мог поверить своим глазам, но Громов потянулся к ладони сидящей подле него Сашеньки. И пожал ее руку, при всех. А Сашенька не противилась: чуть пошевелила пальцами в ответ. Поглядела на Громова невообразимо теплым взглядом,

столь памятным Кириллу Андреевичу, и впервые за вечер улыбнулась.

Воробьев теперь жалел, что подошел, что сел за этот стол, что стал свидетелем сей сцены… На что он рассчитывал, право? Что, спустя столько месяцев полной тишины окажется, что она просто была занята своими банкирскими делами и не ответила на его письма, посылки по чистому недоразумению? Что Соболев, Громов или черт знает кто еще предательски от нее эти письма прятал? Да нет же – она не хотела отвечать, вот и все…

А не хотела отвечать оттого, что давно помолвлена с Громовым. Или все к этому идет. Или что вовсе они женаты теперь!

И озвучил все эти отвратительные сплетни ее брат – громко, во всеуслышание – не чтобы уколоть, не чтобы подольститься, а чтобы попытаться посеять зерно раздора между этими двумя. Очевидно, что это Саша сделала Громова управляющим банком – и Денис этому не рад…

С трудом Воробьев удержался от порыва встать и уйти немедля.

Это было бы невежливо, но что теперь до вежливости! Девятов пускай остается, если хочет – ему здесь неплохо. Девятов и правда, поглощая обед, успевал вести живейшую беседу: расспрашивал о чем-то Соболева, пока Кирилл Андреевич приходил в себя от свалившихся на него новостей. И вел себя Девятов до того разнузданно, что под столом раз

или два задел его брючину ботинком.

Или он нарочно?..

Воробьев все же сделал усилие и вслушался в беседу.

— Лариошей Верстовым, говорите, уважаемая полиция заинтересовалась? Как же, как же – разумеется, знаком, - отвечал на вопрос Девятова Денис Васильевич. – В одном клубе состоим, нет-нет, да в картишки перебрасываемся, на бильярде играем. И в «Палкине» Их сиятельство изволят трапезничать едва ли не каждый день – а здешний круг завсегдатаев не так уж широк, все друг друга знают…

— Так он был здесь и сегодня? – перебил Воробьев, досадуя, что они разминулись.

И еще больше досадовал, что он сам столь глубоко погрузился в свои иррациональные переживания, что позабыл о главном – о деле. Нужно Варю вызволять из неприятностей! Это сейчас важнее прочего!

А к тому, что банкирша Соболева раз за разом дает ему от ворот поворот, следовало бы давно уже привыкнуть! И забыть об этой вертихвостке!

— Был, - пожал плечами Денис Васильевич, продолжая беседу. – Верстов по обыкновению завтракает в «Палкине» каждый день. Около двух или трех часов по полудню. Когда в компании, когда один.

— Да вы большие друзья никак? – логично предположил Девятов.

— Не особенно. Не очень мне по душе люди, исповедую-

щие подобный… праздный образ жизни. Власть, деньги, титулы – по моему мнению, их должны иметь люди достойные, добившиеся всего тяжким трудом. Потом и кровью. Могущие распорядиться благами с умом, а не растратить целое состояние на глупости. Не должны эти блага доставаться бездарям да баловням судьбы, все получившим неизвестно за какие заслуги на блюде с золотой каемкой. По наследству. Верно, Сашенька? – он язвительно взглянул на сестру.

Саша смолчала, а Воробьев не дал ему развить мысль:

— Хотите сказать, граф Верстов получил свой титул по наследству и незаслуженно?

— Верстов-то не граф, - поморщился Денис его непонятливости. – Верстовы – род хоть и дворянский, но нищий. Все имущество, дома, деревни давно распроданы с молотка. Собственно, на том мы и свели знакомство с Лариошей Верстовым: мой банк… простите, ваш банк, Александра Васильевна, ссужал ему суммы на проживание. Лет так пять уже, если не больше. Огромные долги скопились…

— А бережливость вам чужда, Денис Васильевич, - хмыкнул вполголоса Алексей Громов. – Банк-то и впрямь не ваш. В убыток, получается, работали?

Соболев глянул на него с прежним бешенством, но взял себя в руки и ответил миролюбиво:

— Потому-то из вас и не выйдет никогда толкового финансиста, Алексей Игнатьевич. Чуйки нет. Верстов молод, имеет пару-тройку бездетных, но богатых родственников.

Кто-то из них однажды непременно бы помер да осчастливил нашего Лариошу наследством. Так и вышло, собственно. От мужа троюродной бабки с высочайшего соизволения государя достался ему титул графов Эльсбергов, состояние, дома в Петербурге и Москве да пяток доходных деревенек. Сей же миг Лариоша все долги перед банком Александры Васильевны и закрыл. Даже с верхом. Не скупится, знаете ли, живет на широкую ногу теперь. Дорогого стоят такие клиенты – а все благодаря моей терпеливости.

— Но могло случиться и иначе… - не отставал надоедливый Громов. – Сделалось бы что с вашим Лариошей… буйные да горячие редко ведь в солидном возрасте дни кончают. На дуэли б погиб, сражаясь за честь прекрасной дамы, чахотка б сгубила, а то и попросту бы спился – раз он таков, как вы о нем говорите. И плакали б денежки. Осталась бы Александра Васильевна в убытке. Нехорошо. Вы перед собранием пайщиков отчитывались за ваше самовольство, Денис Васильевич?

Уже не только Денис Васильевич бросал на Громова бешеные взгляды и открыто ненавидел – но и Воробьев. Нарочно, что ли, перебивает пошедший на лад разговор о Верстове?

И только Девятов хмыкал легко и весело. Разделался с карпом и теперь просил принести на десерт гурьевской каши[6]с медом. А еще поинтересовался:

---

[6] Гурьевская каша – сладкая манная каша на молоке и сливках с добавлением

— Так что же, Его сиятельство, получается, частенько в дуэлях-то участвует? За честь прекрасных, так сказать, дам… И покутить любит? Вы уж простите, Александра Васильевна, что при вас таковые разговоры разговариваем, но, сами понимаете… служба!

— Стреляться? О, нет… - негромко рассмеялся Соболев. - Этого за Лариошей не водится. Не таков он. А вот покутить – еще как! Громко, на всю столицу! Он и прежде смирным поведением не отличался, а как наследство получил… «Дорога излишеств ведет к чертогам мудрости»[7], - иронично заметил он. – Словом, Их сиятельство ни в каких удовольствиях себе не отказывают. Кутит, безобразничает, пьет… еще чего похуже вкушает. Разумеется, и интрижкой с замужней бабой отметился. Я сам был свидетелем отвратительной сцены, когда ее муж заявился сюда, в «Палкин». Увидел благоверную в компании Лариоши, скандал учинил и тут же, при всех, при его пьяных друзьях-приятелях Его сиятельство стреляться позвал. Нищий учителишка вызвал графа – вот сцена-то была!.. Слава богу, времена уж не прежние: обоих утихомирили, конечно, свели все к недоразумению, но… над Лариошей до сих пор посмеиваются за спиной, сказать

варенья, меда, орехов, сухофруктов, цукатов и пряностей. Изобретена в начале XIX века и быстро вошла в меню русских ресторанов; считается традиционным сладким блюдом русский кухни (прим.)

[7] В оригинале «The road of excess leads to the palace of wisdom», изречение английского поэта Уильяма Блейка (прим.)

вам по правде.[8]

— Давно это было? – уточнил Воробьев.

— Да вот, аккурат перед Покровами[9], - Денис наморщил лоб, вспоминая.

Воробьев и Девятов как по команде со значением переглянулись. Пару недель назад, выходит, они поссорились. Кирилл Андреевич о таком ладном мотиве для убийства Фогеля этим Лариошей и мечтать не смел.

— А вы знаете, уважаемый Денис Васильевич, что этого самого обманутого мужа ведь недавно застрелили. В собственной постели… - обронил Девятов, аккуратно поддевая ложечкой верхний слой десерта.

Соболев приподнял брови и невесело хмыкнул:

— Нет, не знал…

* * *

Как ни странно, расстались на дружеской ноте.

— Благодарствую, Денис Васильевич, и за обед, и за помощь нашему нелегкому сыщицкому делу, - рассыпался в поклонах Девятов. - Кабы не вы, уж и не знаю, как управились бы… Из первых рук, получается, информация!

— Еще бы помнила уважаемая полиция про доброту на-

---

[8] Дуэль, суд чести, могла состояться только между представителями дворянского сословия, к которому учитель Фогель не относится. Дуэль с участием недворянина не могла состояться в принципе. Поэтому формально граф не считался вызванным в данной ситуации (прим.)

[9] Покров Пресвятой Богородицы приходится на 1 октября по старому стилю (прим.)

шу да безотказность… - с благосклонной улыбкой принимал те слова Соболев, - а то ведь помощи рады, а чуть что – уж и подозревать во всех злодеяниях горазды. Знаю я вашего брата.

— Ну вы всех-то под одну гребенку не гребите, дорогой Денис Васильевич. Большинство людей все ж таки доброту помнят!

— И слава богу, что помнят – весьма тому рад!

Они еще раз обменялись поклонами, а в прощальном рукопожатии как будто мелькнуло что-то похожее на договор, а не на обычную вежливость. Впрочем, Кирилл Андреевич никогда в подобных жестах силен не был, а потому ровно никакого значения не придал. Тем более что все мысли его были о Саше.

Он невнятно попрощался – со всеми скопом и ни с кем конкретно, и направился к дверям, когда его окликнул дрогнувший голосок той, о ком он думал:

— Кирилл Андреевич, постойте, я…

Он услышал, как стул со скрежетом по мраморному полу отодвинулся, когда она порывисто вскочила, – и обернулся с живым интересом. Но у Саши будто ком в горле застрял. То ли не смогла она сказать того, что хотела, то ли просто не знала, что говорить. Может, и думала, что он не обернется даже.

Только в глазах ее, янтарно-карих, огромных, невыразимо печальных, было столько всего, что у Воробьева сжималось

сердце от понимания, как она мучается сейчас.

— Не надо, Александра Васильевна, - неловко улыбнулся он. – Ничего не говорите. Будьте счастливы.

Он поклонился ей на прощание, и даже нашел в себе силы коротко кивнуть Громову.

* * *

Нет, никакая она, конечно же, не вертихвостка: Воробьев клял себя, что даже в мыслях ее так назвал. Сашенька самое чистое и светлое создание из всех, кого он знавал! Она будет прекрасной женой, самой лучшей и верной. Глупец Кошкин, что выбрал не ее; а он сам, Воробьев, глупец в квадрате, в кубе – что, имея когда-то ее расположение, упустил. Глупец, что позволил ей уехать тогда, после помолвки. Глупец, что не отправился следом. Глупец, что не слал ей письма каждый день, не отправлял букеты, не дарил безделушки, не заверял каждый день и каждый час в своей любви.

Ему это казалось мелочами… чем-то пустым, избыточным, глупым. А уж кому, как не ему, химику, знать, что все великое на Земле, все грандиозное состоит из мелочей, которые и глазом-то не разглядеть. За каждым большим открытием – тысячи часов ежедневной рутинной работы. За взаимным чувством – тысячи нежных слов, мимолетных улыбок, вскользь оброненных взглядов, небольших, но таких своевременных и нужных поступков.

Что уж теперь говорить…

Один Громов – не глупец, а умник, сумевший с одного

взгляда разобраться, что лучше Сашеньки ему ввек не сыскать никого.

* * *

Вечер у Кирилла Андреевича прошел одиноко и скомканно, полночи ему не спалось, и он бродил по пустым комнатам наемной квартиры в домашних туфлях, шлафроке и со свечкою в руках от одного окна к другому, как привидение.

В университет приехал затемно, раньше дворников, и хотя бы там сумел забыться, наблюдая в микроскоп за реакциями и лишь успевая делать соответствующие записи в тетрадке. В университете времени на посторонние мысли никогда не было, к счастью.

Так прошло несколько дней, похожих один на другой и бессмысленных. Пока однажды к обеду его не отвлекла, почти полностью повторяя давешний день, явившаяся в дверях лаборатории фигура. Только сегодня это был Девятов.

Эдак они еще приятельствовать станут…

— Что ж, Кирилл Андреич, ваш друг господин Соболев довольно точно все о Его сиятельстве графе порассказал… - поделился Девятов, неспешно прогуливаясь по кабинету и разглядывая дорогое оборудование.

Воробьев его перебил, как отрезал:

— Соболев мне не друг.

— Да? Что ж, напрасно. Тем не менее о графе Верстове-Эльсберге Илларионе Александровиче он знает поразительно много. Я эти дни не бездействовал, расспрошал сво-

их сыщиков, а те – агентов. Да долго выяснять и не пришлось: немало грешков за Илларионом Александровичем. Лицо небезызвестное – в дурном смысле, правда. Мот, гулякa, игрок. Не только перед банками обязательства имел, но и у ростовщиков отметился, и в рулетке таких долгов наделал, что иным и вовек не расплатиться. Однако есть процент везунчиков, которым все как с гуся вода! Вот и господин граф от бабки наследство получил около полугода назад и тотчас по всем обязательствам расплатился!

— А бабка точно своей смертью умерла? – не без оснований поинтересовался Воробьев.

— Точно. Старушке уж лет десять прогулы на кладбище ставили, врачи к ней толпами ходили. Собственно, при них и скончалась. Чахотка, будь она неладна. Однако ж, знаете, Кирилл Андреевич… даже с учетом естественной смерти старушки – слишком уж господин граф везуч. Не находите? Бабка, дальняя родня, оставила огромное наследство, муж любовницы покончил с собой вскорости после нанесенного оскорбления… Дьявольски везуч! Только действительно ли Фогель сам застрелился?

Михаил Алексеевич подозрительно прищурился.

— А не вы ли сами меня и убеждали, что застрелился он сам? – удивился в ответ Воробьев. – Доводы приводили, а я сомневался. Да Верстова вы и трогать побаивались.

— Не побаивался, а искренне считал его лицом непричастным! Однако ж теперь обстоятельства изменились…

Девятов еще некоторое время без цели походил по кабинету, раздумывая, стоит ли рассказывать больше. Но все-таки увел Воробьева подальше от дверей и вполголоса поведал:

— Его императорское величество, видите ли, самолично жаловали графский титул и состояние покойного графа Эльсберг этому господину всего полгода назад – а на сегодня из того состояния уж крошки остались. Из пяти деревенек – одна. Дома в Москве пораспродал – а там шедевры архитектуры, итальянскими мастерами спроектированные. И все уплывает Бог знает кому – проходимцам, которые этого Верстова в карты обыгрывают. А могло – и в государственную казну отойти. Наследников-то у него нет. На самом верху недовольны, - он поднял указательный палец к потолку, - страшно недовольны поведением Иллариона Александровича. А оттого Его превосходительство градоначальник фон Валь велел по всей строгости с проделками оного графа разбираться. Без поблажек. Коли дойдет до лишения титула, состояния и всех прав… то так тому и быть!

Воробьев слушал хмуро и скучающе. Никогда он не был силен в подковерных игрищах, не интересовался ими, а о политических делах и вовсе ничего слышать не хотел.

Однако был ли Фогель убит, или не был – едва ли это сделал самолично Илларион Верстов. В конце концов, у него имелось такое же точно алиби, как и у Инессы: их обоих всю ночь видели в ресторане «Палкин».

Разве что эти двое заплатили кому-то за убийство…

— И я чем-то могу вам помочь? – поинтересовался тогда Воробьев.

— Можете. Я хочу сызнова на ту квартирку Фогелей поехать. Да чтобы вы своим зорким взглядом поглядели еще разок, поискали следы. Если имеется хоть намек, что это было все-таки убийство, вы должны этот намек найти, Кирилл Андреевич. Справитесь?

Это был почти что вызов, от которого Воробьев, как человек азартный, отказаться никак не мог. Подумал лишь, что он хорош, этот Девятов: так быстро раскусил его слабости и знает, на что давить…

— Справлюсь, - ответил он, не раздумывая. – Только и у меня условие. Сперва поедем к Инессе Фогель и вы, Михаил Алексеевич, заставите эту даму… исключительно путем уговоров, разумеется, признаться, что это она выкрала перчатку Варвары Егоровны и оставила ее там, где не следовало. Степан Егорович возвращается на следующей недели, и лучше бы он вовсе никогда не узнал, что его сестру обвиняли в убийстве.

Девятов тоже не спорил:

— Да-да-да! Уж поверьте, я этого хочу не меньше!

* * *

Инесса Фогель, которая в девичестве звалась вообще-то Ложкиной Параскевой Ильиничной, жила в апартаментах, ничуть не похожих на их семейное гнездышко с покойным супругом. Доходный дом располагался в самом начале Теат-

ральной улицы с отдельным парадным входом, избавленным от близости лавок, от любопытства зевак, и с молчаливым понимающим швейцаром у дверей. Бельэтаж[10]с высокими потолками и богатой лепниной.

Квартира была необъятной, многокомнатной, богато и модно обставленной – к счастью, без участия сомнительного вкуса хозяйки дома… А вот прислугу и личный скарб Инесса завезти еще толком не успела. Квартира и вовсе выглядела пустой и необитаемой – однако швейцар заверил, что госпожа Фогель возвратилась накануне вечером, около десяти, и с тех пор никуда не выходила.

…А потом Кирилл Андреевич в поисках отворил дверь в один из будуаров и увидел Инессу, лежащую на полу ее новой квартиры. Лицом вниз с неестественно вывернутой шеей.

[10] Бельэтаж – обычно второй или третий этаж дома, который считался наиболее престижным и дорогим. Здесь располагались самые просторные и благоустроенные квартиры (прим.)

Глава 4. Брак по расчету

К полудню, после утренней службы, тетушка уговорила Сашу поехать посмотреть новую квартиру. Говорят, отделку закончили на прошлой неделе, а в жилые комнаты даже успели завести некоторую мебель. Тетушка Анна Николаевна ужасно переживала, подойдет ли обивка диванов к цвету стен или все же следовало выбрать brocart[11]с золотыми нитями на полтона темнее?

Уже полгода, с мая, как вернулись из путешествия по Италии, Саша с самыми близкими ее людьми нанимала меблированные комнаты в гостинице «Пале-Рояль». Племянник Александр, маленький ангел полутора лет оставшийся на ее попечении, да любимая тетушка Анна Николаевна – это и была ее семья. Саша давно свыклась с мыслью, что другой не будет. А гостиница стала домом, настоящим домом, с любовью и теплом обжитым, безопасным, покидать комнаты которого не хотелось. И часть сознания Саши до сих пор не верила, что сделать это однажды придется. Довольно уже скоро.

Квартира на Миллионной, блестящие апартаменты из двенадцати комнат, должна были стать их новым домом. Там вырастет Александр, там родятся и повзрослеют ее дети, ко-

[11] Brocart (фр.) - парча, тяжелая шелковая материя с золотыми или серебряными нитями, протканная рисунками (прим.)

торых будет много… никак не меньше трех, коли Бог даст. Там они с Алексеем будут счастливы.

— Все к лучшему, Сашенька, - подбадривала тетушка, видя ее сомнения о браке. – Александр скоро подрастет, а мальчику нужен отец! Не дело это, когда юношу тетки да няньки воспитывают, очень это на характере сказывается.

— У Александра есть отец, - возразила Саша. – Николаша обещался в этом месяце у нас погостить…

— Он и в прошлом месяце обещался, и в позапрошлом, - отмахнулась Анна Николаевна. – Одно название, а не отец! И о себе подумай.

Тетушка поднялась и подошла к ней, понуро стоящей у окна. Ласково погладила плечи. Анна Николаевна всегда была ласкова с ней – такой ласки Саша и от матери никогда не видела. А потому тетушку слушала и верила ей.

— Ты еще молода, Сашенька, - говорила она, - двадцать семь лет – ну что за возраст? Уж поверь мне с высоты моих годов – совсем дитя! Все успеешь! Ты брата своего не слушай, он со зла говорит. И замуж ты непременно выйдешь, и детишек твоих я уж обязательно понянчу! Ох, милая…

Тетушка тепло обняла ее, и Саша, расчувствовавшись, с удовольствием прижалась к ее груди. Анна Николаевна знала ее лучше всех. Знала, что главной, самой заветной мечтой Саши было иметь большую дружную семью, заботливого, любимого мужа – такого, который защитил бы ее от всех напастей, не позволил бы обижать ни Денису, ни кому-то

еще. Ну а более всего ей хотелось стать матерью. Саша не призналась бы, конечно, даже тете, но она уж и имена своим детям выдумала. Давно, еще во времена своей помолвки с Кириллом Андреевичем. И старшую ее дочь должно было звать Дарьей, Дашенькой. Пусть у дочери Кирилла Андреевича уже есть матушка, но она собиралась стать этой девочке самой лучшей мачехой, самой доброй и нежной!..

Но нынче об этом думать Саша себе запрещала.

* * *

Апартаменты на Миллионной и правда были хороши. Слишком! Чересчур… Когда Саша слышала фамилии господ, проживающих по соседству, у нее сжималось все внутри. Это как же – она будет каждый день с этими господами видеться? Здороваться, приглашать в гости?.. Не верилось!

Улица совсем не была тихой: омнибусы, пролетки, ямщики, экипажи… все спешат, кричат, куда-то бегут! Притом улица все равно чистенькая, ухоженная, как с картинки, а совсем рядом и Царицын Луг, и Летний сад. А уж особняки – один другого краше! Верно, дети, выросшие на такой улице, в возрасте станут себя ощущать совсем не так, как ощущает себя Саша.

Да что теперь уж сомневаться, когда и мебель завезли, и обивку подобрали, и меж ними с Алексеем все решено. Не о том нужно думать! Должно быть, всему виной давешняя нелепая встреча в ресторане с Кириллом Андреевичем, разбередившая Саше душу…

Сомнения притупились, когда Саша вошла в парадную и стала подниматься по лестнице. На площадке меж этажами откуда ни возьмись ей навстречу выскочил Алексей Игнатьевич и с ходу, не дав опомниться, приподнял ее за талию, закружил и поцеловал.

— Ты что, Алёшенька! – смеясь, попыталась возразить ему Саша, - кто угодно ведь войти может!

— Никто не войдет! В такой час в доме только прислуга, и та по черной лестнице спускается.

— А тетушка с племянником? В комнаты хотя бы поднимемся, Алёша… – внизу и правда уже скрипнула дверь.

— Ох, обо всем-то ты переживаешь, Александра – у меня ей-богу голова бы лопнула столько заботиться, как бы кто чего не подумал! Тетушка твоя меня обожает и только порадуется за нас. Мы помолвлены – имеем полное право!

— Покуда не венчаны – не имеем! – переходя на шепот, однако не сумев скрыть улыбки, спорила Саша. – И не на лестнице, разумеется! А впрочем…

Хоть снизу уже и слышались медленные шаги тетушки с малышом. Саша сама притянула Алексея и, запрокинув голову, позволила себе раствориться в его поцелуе полностью, до головокружения. А заслышав голоса, они со смехом помчались наверх, чтобы встретить остальных чинным разглядыванием диванной обивки.

* * *

Рядом с Алексеем ее сомнения, заботы, тревоги, мысли о

собственном несовершенстве – все исчезало. Правда, не оттого что Саше было спокойно с ним. Напротив! Весь он был порыв, движение, бег, вечно куда-то торопился – и Саша, чувствуя небывалый азарт, заражалась его весельем и изо всех сил старалась поспевать и за скорым ходом его мыслей, и за его неугомонной экспрессией.

Целоваться на лестнице – вот безумство!

С Алексеем всей этой девичьей романтикой, всем, к чему в тайне стремилось ее сердце с самых юных лет – всем она насладилась сполна. Цветами, подарками, комплиментами. Степенными прогулками под руку в парке и даже тайными свиданиями – совершенно невинными, разумеется, но оттого не менее волнующими. Алексей и стихи для нее сочинял! Сомневаться и тревожиться рядом с ним у Саши просто не было времени.

— Алексей Игнатьевич, вот уж не ждали! - искренне изумилась, застав Алёшу, Анна Николаевна и подала ему руку для поцелуя. – Разве ж вы не в банке в такой ранний час?

— Должен быть в банке, - притворно вздохнул он, - да явился управляющий от хозяина сего дома. Некоторые неурядицы возникли с бумагами по найму. Однако теперь уж все улажено, прошу не беспокоиться! А кто это так вырос в очередной раз? Вы ли это, Александр Николаич, я вас и не узнал!

Громогласно рассмеявшись, Алёша подхватил на руки племянника Саши и, закружив, подкинул к потолку, раз,

другой, третий. Мальчик заливисто хохотал.

* * *

Обивка диванов все же очень волновала тетушку – она рассматривала ее и при открытых шторах, и при закрытых. Цокала языком, качала головой и даже понесла образец материи на улицу, поглядеть при солнечном свете. А может, просто позволила Александре побыть с женихом наедине, поскольку увела собою и гувернантку, и племянника.

Едва они вышли, Алексей опустился подле Саши на диван и снова поцеловал. Но на этот раз Саша все-таки отстранилась, не терпелось спросить:

— Так зачем ты на самом деле приехал? Нам не хотят сдавать апартаменты, верно? Ох, я так и знала, что ничего не выйдет!

— Прошу, не волнуйся хотя бы о квартире. Я и впрямь все уладил, - заверил жених.

Но Саша ему не верила. Призналась, хоть и собиралась об этом молчать:

— Мне не очень нравится этот дом и эта улица. Здесь шумно, пролетки мчатся под окнами, будто на вокзале. И… слишком именитые соседи. Алёшенька, мне ли, внучке иудея и дочери лавочника, жить на такой улице?!

Алексей пожал плечами, не понимая ее:

— Милая, с твоими деньгами ты можешь быть чьей угодно внучкой и дочерью – с тобою все равно будут считаться. За спиной пускай говорят что угодно, но в лицо будут улы-

баться и искать твоего расположения. – Он подмигнул: - заметь, в этом даже есть что-то веселое. Они будут сплетничать о тебе, если им угодно, а мы – о них.

— Такого рода веселье не по мне… Я просто хочу, чтобы те, кто живет рядом, любили меня, а не сплетничали за спиной.

— Я тебя люблю. Этого мало?

С губ Алексея эти слова слетели просто, как что-то само собой разумеющееся. Они сидели рядом, и он тепло коснулся ее подбородка, вынудив повернуться и посмотреть в глаза. Замолчал надолго, ожидая, что и она что-то скажет.

А Саша молчала.

Смотрела в его глаза, хотела сказать – и не находила слов. Даже легким движением сняла его очки, чтобы ничего не отвлекало от Алёшиных глаз. Улыбнулась, когда он подслеповато прищурился.

Кирилл Андреевич тоже так делал…

Нет, Алёша был на него ничуть не похож, если бы не эти очки. Лицо у Алёши не узкое, бледное, с высокими острыми скулами, как у Кирилла Андреевича, а широкое, простоватое и все же по-мужски красивое. Надо лбом неспокойные, как и он сам, вихры с ярко-медным отливом. Мягкие губы, крупный нос. Мужчинам, в отличие от женщин, последнее очень идет. И ростом он несколько ниже Кирилла Андреевича, но силен и крепок. А когда подхватывает Сашу на руки, то кружит легко, как пушинку.

Притом Алексей был куда деликатней.

Не став заострять на ее молчании внимание, он поднялся на ноги, и принялся размашисто ходить по комнате. Пожал плечами, размышляя вслух:

— И потом, тебе достаточно иметь эту квартиру в распоряжении, а жить мы можем где угодно. После венчания ведь все равно мы думали отправиться в свадебное путешествие, не так ли? Ну а вернемся, наверное, лишь к весне. Весною же в Питере делать нечего, и ты наверняка захочешь отправиться на дачу…

— У нас будет дача?

Саша робко улыбалась, изумляясь, как далеко он заглядывает.

— Разумеется! Нет-нет!.. – он передумал, снова сев к Саше на диван. - У нас будет не дача, а небольшое поместье. Усадьба! Скажем, на юге Новгородской губернии. Чтобы, при желании, мы могли навестить мою матушку под Тверью – но… и не слишком близко, чтобы прочие родственники нам докучали визитами.

— Так все лето мы будем проводить в усадьбе на юге Новгородской губернии? А что же осенью?

— А осенью в Петербурге снова нечего делать! И, вероятно, имеет смысл поехать зимовать туда, где потеплее!

— Опять путешествовать? – Саша с сомнением пожала плечами. – Но я видела уже практически всю Европу…

— Да что ты могла увидеть за полгода, Александра! Я

учился в Париже десять лет – и то не успел побывать ни в немецких землях, ни на Британском острове! - Алексей опять порывисто вскочил. – К тому же мир велик, и помимо Европы есть много стран! Я всегда мечтал побывать на Востоке, посетить Новый Свет!

— Новый Свет? Это так далеко и опасно… По правде сказать, я несколько устала от разъездов, Алёша. Мне даже летняя поездка под Тверь далась нелегко. Да и к петербургской зиме я привыкла… Главное – купить хорошие ботинки, чтобы не промочить ноги, да не обманываться кажущимся потеплением, а одеваться как следует, чтобы не простудиться на ветру…

Алексей смотрел на нее как-то странно и скучающе.

— И кто же станет трудиться в банке, коли мы все время будем в разъездах? – спросила тогда Саша. И это действительно был веский аргумент.

— А Денис Васильевич на что? – легко отозвался жених. – Ему нравится заниматься финансами – это его стихия. Пускай!

Саша вскинула брови, не понимая, шутит ли он:

— Разве ж я нанимала когда-то вас, Алексей Игнатьевич, не для того, чтобы вы спасли мой банк и мои финансы как раз-таки от поползновений Дениса Васильевича?

— И я это сделал! – не без гордости заявил Алексей. – Поверь, Александра, не обязательно лично присутствовать в конторе каждый день: достаточно поставить своих людей на

те посты, которые требуют особенного внимания.

— Шпионов?..

Саше это не очень нравилось.

— Зачем же так грубо? Просто это ответственные и верные люди… перед которыми Денис Васильевич станет отчитываться, и которые не позволят ему делать то, чего не следует. – Он сел на подлокотник дивана подле Саши и взял ее руки в свои. – Ну а мы с тобой в это время будем наслаждаться нашим браком, друг другом и всем этим огромным миром!

— Тебе в самом деле хочется путешествовать?

— Да… - он несколько смутился, признаваясь, - я люблю новые города, поезда, дорогу. Люблю знакомиться с людьми. Я всегда об этом мечтал! Но мой покойный батюшка, ты сама знаешь, не очень-то поддерживал мои стремления. Следовало думать об учебе, о том, на что жить в Париже. Ну а теперь…

— Теперь у тебя есть богатая жена, - иронично заметила Саша.

— Увы, пока лишь невеста, - он поцеловал ее пальцы. - И не только богатая. Тебе бы самой увидеть свои достоинства, Александра… И потом, разве тебе не хочется того же? Путешествовать, увидеть мир? Ведь у тебя глаза каждый раз горят, когда ты вспоминаешь об Италии!

Саша подумала недолго и с сомнением покачала головой:

— Мне было хорошо в Италии. И я не стану зарекаться,

что мне не захочется туда вернуться когда-нибудь, но… по правде говоря, мне гораздо больше хочется не путешествий, а спокойного мирного дома, уюта… детей. А тебе, Алёша?

Алексей пожал плечами так, будто никогда об этом не думал. Рассудительно заметил:

— Недаром говорят: женился – остепенился… Дети навсегда привязывают к одному и тому же месту. С младенцем на руках, разумеется, ни в Италию, ни в Новый Свет не поедешь, - он сделался серьезным. - А впрочем, все будет, как ты захочешь, милая. Не нравится этот дом – купим любой другой. Мне, по большому счету, все равно, где жить. Лишь бы ты была рядом.

Снова он замолчал, долго глядя в Сашины глаза и не отпуская ее рук. Снова ждал… и снова слова не могли сорваться с ее губ – те самые слова.

И все-таки Саша нашлась, как скрасить неловкость. Пошутила:

— Так что же, вы, Алексей Игнатьевич, женились бы на мне, даже не будь у меня наследства? – поддела она.

Алексей прищурился, качнул головой:

— Нет. Я бы женился на богатой старухе, а тебя бы соблазнил и сделал своей любовницей. А потом мы бы вместе сбежали в Новый Свет!

Саша смутилась невероятно – почувствовала, как вспыхнули ее щеки. Право, сама виновата, не следовало так шутить…

— Ты… ты говоришь непозволительные вещи, Алёша. Прошу, перестань, мне неловко…

Она вытянула свои руки из его и отсела как могла дальше. И тут, нечаянно скользнув меж диванных подушек, ее пальцы коснулись какой-то тряпицы, там застрявшей. Саша потянула.

Это оказалась перчатка. Дамская шелковая перчатка с вышивкой.

— Что это?.. – изумилась она.

Алексей изумился не меньше. Тронул вещицу и развеселился:

— Сюрприз от мебельщиков… или их жен. Следует поискать в креслах: глядишь, соберем для тебя новый туалет!

— Не смешно, - настроение отчего-то стремительно портилось.

Она аккуратно положила перчатку на подлокотник дивана и поднялась на ноги:

— Мне пора, Алексей. Да и тебе следует вернуться в банк. Не шути больше о шпионах: я хочу, чтобы всем занимался ты – и занимался на совесть. А не кто-то посторонний унижал бы моего брата придирками…

— Я увижу тебя вечером? Хотя бы ненадолго, – Алексей порывисто поднялся следом.

Саша смутилась снова:

— Нет… я ведь говорила, что сегодня ужинаю у Дениса.

— И я не приглашен? – хмыкнул жених.

— Это не мой дом, я в нем не распоряжаюсь. И мы с тобою лишь помолвлены. Даже объявления о свадьбе еще не давали.

— Потому что ты медлишь и неизвестно чего ждешь! Однако я взял на себя смелость дать объявление в газету сегодня утром. Обещали, что будет в завтрашнем номере.

Саша ахнула:

— В завтрашнем? Сразу утром?..

Ей сделалось нечем дышать, когда она представила, как Кирилл Андреевич читает свежую газету за завтраком и видит объявление…

— Рано или поздно пришлось бы, - холодно заметил Алексей. – День назначен в ноябре. Меньше месяца осталось.

— Да… я знаю. Спасибо, что позаботился, - она взяла себя в руки. – Не волнуйся об ужине, Алёшенька, это обычный семейный вечер – приглашены только родственники. И мне будет одиноко там без тебя.

На прощание она ласково коснулась его щеки, и Алексей, поймав ее пальцы, снова их поцеловал. Подмигнул ей и пообещал:

— Еще как будет!

Глава 5. Дом детства

Дом Дениса… никогда он не был Сашиным домом. Здесь прошло ее детство, здесь она выросла, но, удивительно, появляясь в этом доме теперь, не испытывала никаких теплых чувств. Лишь тревогу и желание поскорее уйти.

Но перед ужином все же поднялась в свою прежнюю спальню, освежиться и поправить прическу. Ничего здесь не изменилось. Ни Денис, ни Юлия, его жена, не тронули ее крохотной кельи. Разве что прислуга заходила иногда смахнуть пыль, да и то не слишком усердствовала.

У окна по-прежнему стоял фикус в рыжем глиняном горшке. Нелепый подарок Кирилла Андреевича, который он сделал на первой неделе знакомства. И тогда же признался ей в любви. Он признавался в своих чувствах не столь красноречиво, как Алёша, но дал о них понять вполне определенно. Чем тогда невероятно смутил Сашу, поскольку никогда в жизни она ничего подобного в свой адрес не слышала.

Она всегда была романтичной, влюбчивой натурой… подумать только, когда-то ее угораздило потерять голову из-за красавца-садовника! И слава богу, хотя бы ему она не успела открыться, а страдала молча. Однако до того дня с Кириллом Андреевичем Саша не представляла, что и ее кто-то сможет полюбить. За что? У нее ведь даже наследства матушки тогда не было! И выглядела она куда хуже, чем сейчас, постро-

невшая, наряженная в дорогие шелка и причесанная, как во французском журнале. Оказалось, что если не бороться с ее непослушными кудряшками, не пытаться их распрямить да зализать в тугой узел, а всего лишь немного взбить у лица и на макушке, после чего заколоть на затылке пучок буквально парой шпилек – то впервые за все годы Саше ее отражение в зеркале даже, бывало, нравилось.

…Деревце фикуса сейчас было не в лучшем виде. Земля в горшке высохла и пошла трещинами, а некогда плотные, блестящие, кожистые листья понуро обвисли, почернели, а местами вовсе опали: ветки торчали угловатые, острые и лысые. Но умирать фикус не собирался! На самой верхушке вполне бодро зеленели маленькие листки, и даже пробивались новые.

— До чего же живучее растение! – в собственном голосе Саша услышала досаду.

Ей сделалось стыдно, и она принялась руками выгребать из горшка засохшие листья. После отыскала графин с водой, вернулась и вылила все до капли в горшок, дав деревцу напиться.

* * *

Пока занималась цветоводством, бегала за водой, Саша вспоминала глаза Кирилла Андреевича, его слова, его поцелуи. Как так вышло, что они не вместе? Почему?..

Саша вспоминала, как расстроилась, поняв, что он не до-

ждался ее тогда в Зубцове[12]. Вспоминала, как ехала из Твери поездом и мысленно торопила машиниста – ничуть не сомневаясь, что помчится к нему тотчас, с вокзала, по тому адресу, куда писала письма из Италии.

Но поезд приехал в Петербург поздно ночью, и оправляться к мужчине в такой час ей не позволила тетушка: это было неразумно.

Однако Саша написала Кириллу Андреевичу письмо! Длинное, обстоятельное, искреннее. Написала, что она любит его. Что все, в чем она признавалась Степану Егоровичу прежде – чушь и блажь, и она благодарит Бога, что господин Кошкин своим отказом ее отрезвил. Вероятно, ей нужно было это услышать, чтобы расставить все по местам!

Письмо она отправила наутро, едва рассвело, — и прождала ответа сутки. Вторые, третьи… Она ездила к нему на квартиру, но дома не застала, а расспрашивать соседей и дворника постеснялась. Снова написала письмо спустя неделю, и еще, и писала на протяжении всего августа… И все без ответа.

Они плохо расстались в Зубцове. И плохо расставались до этого. Саша разорвала их помолвку, сказав, что любит другого. Она признавалась в чувствах его другу. Она столько раз его и его искренность отвергала, что… право, нужно иметь железные нервы, чтобы это стерпеть, простить и пережить. И даже если он простит – меж ними всегда будет стоять про-

[12] Эти события описаны в книге «Пепел золотой птицы» (прим.)

шлое.

Степан Егорович – его лучший друг. Так или иначе Саше придется с ним видеться и… что же – он будет ревновать ее всякий раз? Думать и мучиться, не вернулись ли ее нелепые чувства? А если он рассорится с Кошкиным из-за нее? Снова! А если это и на брак Степана Егоровича дурно повлияет?

Это будет ужас, кошмар! Они, верно, все перессорятся меж собой, и все будут несчастны…

И все из-за нее, из-за Саши. Это она во всем виновата. Только она.

Нужно думать, что не отвечает на ее письма Кирилл Андреевич именно оттого, что не может простить. А быть может и вовсе считает ее признание в письме – ложью и отчаянной попыткой старой девы не упустить свой последний шанс на брак… и если и ответит, то лишь из жалости.

А его жалость Саше была не нужна. И его упреки, даже вскользь оброненные когда-нибудь в будущем. Нет! Чем так, лучше бы ей вовсе никогда больше не видеть ни Кирилла Андреевича, ни, тем более, Кошкина, перед которым ей было невероятно стыдно…

…Ну а потом, как финальная точка ее беспокойств и тревог – почтальон принес назад все Сашины письма к господину Воробьеву. Скопом, целый ворох. Оказывается, по прежнему адресу он давно не живет, а где живет теперь, Саша понятия не имела. Алексей предлагал поискать, но она, обдумав, сказала, что не нужно.

И сочла произошедшее знаком свыше, что вместе им не быть.

Нет, прошлого не вернешь. Глупо и бессмысленно воскрешать то, что она сама своими руками уничтожила. Да и он совершал ошибки, и Саше тоже этого не забыть. Нет, ничего уже не исправить. Не судьба.

Ведь в браке должно быть легко! Без стыдных ошибок, без драм, без потрясений. Как у них с Алексеем…

* * *

Алексей Громов был рядом. Всегда был рядом, с первого дня ее возвращения из Зубцова. Всегда старался порадовать ее, рассмешить, развеять. Был чуток, поддерживал, слушал. Ох, сколько ему всего пришлось выслушать!

Она рассказала ему даже то, чего, наверное, рассказывать не стоило.

Алексей стал ей другом, от которого Саша практически ничего не скрывала. Разбирая банковские документы, они часами могли находиться в одной комнате и не чувствовали смущения. Саша не чувствовала – которая обычно краснела и бледнела, стоило с нею заговорить любому постороннему человеку! А с Алексеем… Господи, как-то однажды, умаявшись за день, она случайно уснула в кресле подле него!

Не говоря уж о том, как Алёша помог ей с банком. Он сумел выбить для Саши собственный паспорт, подтверждающий ее полную самостоятельность, независимость от брата. Вместе они составили письмо об отзыве доверенности на

управление «Банкирским домом Соболевых» Денисом. И теперь фактически банковскими делами управлял Алексей.

Правда, не всем пайщикам это нравилось…

А потому однажды меж Сашей и Алексеем случился тот разговор, который давно уж напрашивался.

— Александра Васильевна, если ваши намерения серьезны, если вы настроены отлучить Дениса Васильевича полностью – чтобы поставить во главе правления меня, то вам придется сделать к тому весьма серьезные шаги. Ведь не все так просто, и вы наверняка понимали это с самого начала…

Тогда еще отношения меж ними были официальными, подчеркнуто деловыми. Громов обращался к ней исключительно на «вы» и по имени-отчеству. Как и Саша к нему. И лишь иногда с ее губ срывалось нечаянно-ласковое «Алёша».

Но о каких серьезных шагах он говорит, она и впрямь догадывалась…

— Я не говорю о браке, Александра Васильевна, но по крайней мере, об имитации его. Фикции. Собрание пайщиков должно быть осведомлено о нашей с вами помолвке… - Саша попыталась возразить, но Алексей не дал сказать, веско опередив: - помолвке, которая может продлиться и годы, и десятилетия, покуда в ней не отпадет необходимость! И мы расстанемся, будто ничего не было.

Саша поникла, не найдя, что ответить. Алексей настойчиво продолжал:

— «Банкирский дом Соболевых» отчитывается перед купеческой Гильдией, перед вкладчиками – и никто из них не захочет видеть во главе женщину, поймите. Наше общество слишком отстало и косно.... Более того, по нынешним законам, женщина любого возраста и положения не имеет даже прав для этого, будь она хоть семи пядей во лбу! Будь она управляющей и по факту! Даже если б вы, Александра Васильевна, постигли науку финансов и преуспели в ней, каждый день находились бы в банке и разбирали бумаги – и тогда вам нужен мужчина, который формально значился бы управляющим. Отец, брат с функциями опекуна или муж.

— Но ведь Денис более не мой опекун, а у вас есть заверенная у стряпчего полная моя Доверенность к вам, как наемному лицу… - слабо возразила Саша.

— Мне льстит ваше доверие, и я безумно им дорожу, - степенно поклонился Алексей, - но вкладчики, пайщики банка, Гильдия купцов едва ли разделят вашу веру ко мне. Для них я – чужак, юридически не связанный с семейством Соболевых. Сегодня я здесь – а завтра обобрал их до нитки и сбежал…

— Но ведь вы так не поступите?

— Нет, ни за что. Но мне верите лишь вы, а все прочие будут на стороне вашего брата. Они уже на его стороне! Ибо он прекрасно себя зарекомендовал, как управленец за все эти годы. И они уйдут, заберут свои вклады вслед за ним, случись что… Александра Васильевна, если мы с вами поже-

нимся, или хотя бы объявим о помолвке, то меня, скорее всего, примут за авантюриста, который задурил вам голову… но все-таки вынуждены будут принять, как члена вашей семьи. И со временем, с годами, я докажу и пайщикам, и в первую очередь вам, что я именно тот человек, на которого можно положиться.

Тогда он взял ее за руку – впервые взял за руку не так, как обычно, а нежно, с небывалой лаской. Договорил, поймав ее взгляд:

— Самое досадное, что действовать нужно быстро. У Дениса Васильевича всюду шпионы… у меня есть достоверные сведения, что ваша личная горничная, которая была с вами и в Зубцове, отчитывается перед ним каждое воскресенье, когда якобы ездит к сестре. Если промедлить – ваш брат просто развалит банк… настроит против вас пайщиков, сманит клиентов. Бороться будет уже не за что. Денис Васильевич – человек жестокий и беспринципный.

— Я знаю… - молвила Саша без голоса.

— И отвечать ему следует его же методами!

— Мне бы этого не хотелось… я люблю его, он мой брат. Видимо, во мне еще живет надежда, что мы все решим миром. И потом…

Разговор состоялся в гостиной ее комнат в «Пале-Рояль», и на каминной полке стоял букет из гортензий и бегоний в хрустальной вазе. Совершенно чудесный букет в день, когда его принесли – и порядком подвядший теперь, спустя пол-

торы недели. Но у Саши так и не поднялась рука от него избавиться.

И сейчас невольно ее взгляд коснулся именно этих цветов.

Алексей тоже повернул голову. Догадался сей же миг:

— Это прислал тот химик? – хмыкнул не очень-то вежливо: - долго же он собирался с духом! Взвешивал «за» и «против»? После возвращения из Зубцова уже месяц прошел. Или вы виделись после?

— Нет, не виделись… - смущенно качнула головой Саша.

— И так и не писали ему больше?

— Нет… я разузнала все же его новый адрес, но… - Саша замолчала, не сумев прокомментировать свое «но».

Алексей понимающе кивнул:

— Вероятно, вы не писали ему оттого, что сами знаете, каков должен быть выбор между нами двумя. Вы влюблены в человека, с которым у вас нет будущего, Александра Васильевна. А будете мешкать, откажетесь от моего предложения – лишитесь возможности влиять на что-либо в банке. И я не смогу вам помочь – к величайшему моему горю не смогу. Ибо я вам никто в глазах общества. Решение за вами. Я могу лишь поклясться, что вы не ошибетесь, коли доверитесь мне. Потому что у меня на первом месте всегда будете вы и ваши интересы. А у него – наука, его дочь, и этот его приятель-полицейский, из-за которого он уже однажды от вас отказался. У Воробьева вы будете в лучшем случае на четвертом месте. Ну а ваш банк и вовсе… на сто двадцать пятом,

надо полагать. И уж точно ни за что он не променяет химию на банковское дело.

— Не говорите о нем дурно, прошу… - Саша не сдержалась, и губы ее дрогнули. Она изо всех сил попыталась взять себя в руки, – пусть так, пусть все так: и я знаю, что наш с вами брак – единственный шанс сохранить мои права на наследство матери, но… я не люблю вас, Алексей Игнатьевич. Вы мне друг, вы самый лучший человек на свете, но я ничего к вам не чувствую!

Алексей пожал плечами, будто это мелочи. И вдруг – так быстро, что она и моргнуть не успела, он оказался подле нее и поцеловал. Впервые.

Однажды, еще в Зубцове, Алексей уже пытался поцеловать ее, но тогда Саша увернулась. Решила для себя, что не хочет этого, что поцелуй будет ей неприятен и ничего между ними не изменит.

Но сейчас вышло иначе. Что-то дрогнуло в ней, и Саша вдруг посмотрела на Алексея по-новому. Да и он на нее тоже – удивленно, рассеянно. Поцелуй был совсем коротким, а после они молчали, не зная, что сказать. И распрощались довольно скоро, и нарочно избегали встреч еще два или три дня. А когда все же увиделись – вот тогда-то накатила неловкость в полной мере. Саша и глаза на него стыдилась поднять.

…все изменилось, когда Алексей снова ее поцеловал. Тоже внезапно, но на сей раз уже долго, невероятно нежно и

пылко. А Саша ответила ему.

Отчасти она понимала, что, скорее, ей просто нравится чувствовать эту нежность, заботу, уверенность и силу рядом с собой, чем сам по себе нравится Алёша… Но понимала и то, что, если с Кириллом Андреевичем все обстоит очень и очень сложно, то с Алёшей – удивительно просто и естественно. И будущее их совместное казалось ей вполне привлекательным. Поэтому, когда все-таки их губы разомкнулись, и Алексей задал вопрос о браке снова – она не нашла ни единой причины отказать.

Тем более, что ни писем, ни цветов от Кирилла Андреевича больше не было.

Ну а потом время полетело скоро, не давая времени ни одуматься, ни вздохнуть. Разговор с тетушкой, с Денисом, назначение даты свадьбы, приглашения для гостей, пошив подвенечного наряда…

Кажется, Саша только и очнулась от этого морока в памятный день в ресторане «Палкин», когда к их столику подошел Кирилл Андреевич.

Тогда к Саше и пришло понимание, что они не разговаривали с августа, два с половиной месяца. Что она снова нарушила обещание, так и не написав ему. Что не поблагодарила за букет. Что не отправила даже открытки на его именины. Что сжигала все его приходящие в «Пале-Рояль» письма, не читая – просто, чтобы не бередить душу.

Подло и трусливо…

И вот завтра он узнает о ее свадьбе из газет. И, разумеется, не простит ее уже никогда. Такое не прощают.

Алёша был прав, нет у нее будущего с Кириллом Андреевичем. Надо бы смириться уже наконец и перестать ждать чуда…

* * *

Полив фикус в рыжем глиняном горшке, тщательно вытерев оставшиеся листья от пыли, убрав все сухие и опавшие, Саша, едва переставляя ноги, вышла за дверь и позвала лакея.

— Будь добр, унеси это из дома, - она не глядя кивнула на деревце. – Оставь где-нибудь… только подальше отсюда.

— Вместе с горшком? – удивился парень. – Хороший ведь совсем горшок!

— Вместе с горшком… - без голоса отозвалась Саша и зажмурилась, не желая видеть, как лакей уносит растение.

Глава 6. Чужая невеста

Ужин в доме Соболевых как всегда был тяжким испытанием. Саша мало ела, мало говорила и изо всех сил старалась не принимать близко к сердцу колкие замечания брата и Юлии. Тетушки Анны Николаевны не было на вечере: тетушка была сестрой их покойного отца и, без сомнений, принадлежала к роду Соболевых, однако Денис откровенно ее недолюбливал и не изволил пригласить. Зато за столом гордо восседала другая их тетушка (сестер да кузин у отца было немало), ее дочери и, кажется, внук ее мужа в каком-то колене.

Внук, приятный молодой человек лет тридцати, был с Сашей как-то особенно любезен и обходителен – а впрочем, она не придала тому значения.

Единственные, кто вызывал теплые чувства у Саши в этом доме были ее племянники – сын и дочка Дениса. Собственно, лишь ради них она и приняла приглашение. Слава богу, строгим отцом Денис не был, и детям позволялось ужинать в общей столовой, в углу, за небольшим детским столом. Разумеется, разговаривать им и встревать в беседу любым способом было настрого запрещено – тем не менее, Саше удавалось иногда, чуть повернув голову, улыбнуться племянникам. Петруша и Ольга, которую дома все звали Люсей, тетушку свою помнили еще по старым временам, любили ее и

тайком улыбались в ответ.

После ужина удалось совсем недолго побыть с племянниками, подарить сладкие гостинцы и безделушки, спросить об успехах в учебе и посекретничать с Люсей, что на будущей неделе ей привезут от Саши ткани для платьев на венчание и последующий бал. Выходить в Свет девочке было еще рано, но на свадебном торжестве она непременно должна блистать!

Тогда-то их идиллию нарушил Денис, молчаливой тенью встав за спиной дочери. С нежностью погладил Люсю по голове, а Сашу обманчиво-ласковым тоном пригласил в свой кабинет – поговорить.

* * *

Саша полагала, что брат хочет поругать ее именно что за ткани для Люси: с некоторых пор он не переносил, если она хоть каким-то образом вмешивалась в жизнь его детей.

Но он повел разговор очень уж издалека – о родственниках, друзьях, о том, как важно семье оставаться единым целым и не пускать в свой круг чужаков.

Саша слушала вполуха и безотчетно рассматривала корешки книг на полках возле его стола да россыпь безделушек меж ними. Чем только разозлила брата: он требовал ее полного внимания.

— Сядь к столу, Александра, вижу, ты совсем меня не слушаешь!

Денис поднялся с места и демонстративно отодвинул для

нее стул. Саша нехотя села.

— Так погляжу, ты успела сдружиться с Борисом Ивановичем? – продолжил разговор брат. - Весьма благовоспитанный молодой человек, не так ли?

Борисом Ивановичем звали того самого родственника ее второй тетушки.

— Сдружиться? Позволь, Денис, но Борис Иванович лишь хотел положить мне на тарелку еще рыбы, а я отказалась – более мы не разговаривали. Едва ли это даже светскою беседой назвать можно, не то что дружбой.

Денис хмыкнул:

— Что ж, напрасно. А впрочем, у вас будет довольно времени узнать друг друга лучше. Я подумал, сестра, и решил, что он станет твоим мужем.

— Что, прости?.. – Саша жалко улыбнулась.

Денис обошел массивный, дубовый, еще отцовский стол и сел на край его, ближе к Саше – как делал когда-то давно, когда меж ними были вполне сносные отношения. Невозмутимо продолжил:

— Почему бы и нет? Кровного родства меж вами не имеется, церковники спорить не станут, я уж все уладил с бумагами. Ему тридцать, впору тебе и по годам, и по статусу: он конторщик в банке Соболевых. Звезд с неба не хватает, но исполнителен, покладист. Если и дурак, то не круглый. По-французски говорит, одевается по моде и на лицо смазлив. Чем не жених? Свадьбу сыграем, думаю, по весне, как пола-

гается.

— Не устраивай спектакль, Денис, ты прекрасно знаешь, что в первых числах ноября я обвенчаюсь с Алексеем. Это решено!

Саша пыталась казаться уверенной, но заметно нервничала, понимая, что дело не в забывчивости брата. Неужто он все еще может ее принудить? Как?!

Тот же сделал вид, что и впрямь удивлен. Мерзко хмыкнул:

— Уж прости, сестра, всех твоих мужиков и не упомнишь… То за одного ты замуж собираешься, то бросаешь его и мчишься черт знаешь куда ко второму. Позоришь меня на всю округу! Думаешь, мне не донесли, как ты в Зубцове по гостиницам шлялась?! Теперь вот Алексей – новая блажь! Ручаюсь, завтра тебе что-нибудь взбредет в голову, и ты вообразишь, что влюблена в очередного полицейского, физика, клоуна из цирка!

— Зачем ты так, Деня?.. - Слезы Саша сдержала, но голос предательски дрожал, как и пальцы, которыми она – в ужасе от сплетен – прикоснулась к губам. Стала оправдываться: - в гостиницу я ездила с Кириллом Андреевичем и лишь по служебной его надобности, совсем ненадолго… и нас там едва не застрелили!

— Снова Кирилл Андреевич! – Денис поморщился. – А впрочем, с ним в качестве зятя я бы еще смирился… Но не с Громовым – за него ты не выйдешь, покуда я жив.

Он взглянул на Сашу, опустошенную, униженную, тайком утирающую все-таки выступившие слезы и даже сжалился. Наклонился к ней ближе, коснулся ее плеча почти что с нежностью:

— Не думай, что нарочно тебя уколоть хочу, Саша, но над сплетнями я не властен. Знаю, - снова он поморщился, - все вы, девицы да молодые барыньки, мечтаете о безумной любви – такими уж вы уродились. Коли смотрит за вами кто – еще сдерживаете ваши порывы, приличия блюдете. Но если уж получите самоуправство, которое тебе матушка твоя даровала – так жди беды! Пойми, сестрица, не вмешайся я сейчас, дурно все кончится, очень дурно… А ты еще молода и не вконец пропащая. Сможешь и семью завести, и детей родить, и домом заниматься. Ты же всегда именно этого хотела, Саша, сколько тебя помню! Зачем тебе банк, акции, правление это? Сама подумай, ну?! Содержание у тебя будет на зависть всем подружкам и дом где захочешь. Будет мое благословение на брак, если для тебя это что-то значит… А так как муж твой, Борис Иванович, хоть и другую фамилию носит, все равно он из наших, из Соболевых – а значит, и сыновья твои в будущем смогут унаследовать долю акций. А то и возглавят его, коли способности найдутся!

Саша притихла и жадно слушала брата.

Весьма заманчиво звучали его слова – ведь ей правда необходимо, жизненно необходимо было и его благословение, и одобрение! Ах, сколько бы она отдала, чтобы вернуть

прежнюю меж ними дружбу! Времена, когда она называла его Деней и приходила в этот кабинет жаловаться на притеснения Юлии. А он привозил ей заколки и брошки из поездок, обещал поговорить с Юлией и ласково целовал в макушку на прощание…

И все матушкино наследство целиком бы отдала, без раздумий!

Велик был соблазн поверить. Вернуть управление банком в полное распоряжение Дениса, согласиться… не с его выбором жениха, конечно, но Денис обмолвился, что Кирилл Андреевич его бы устроил… А уж сердце Саши и вовсе сладко замерло, а после пустилось вскачь, когда она это услышала.

Замуж за Кирилла Андреевича – и никаких забот о делах банка! Он бы занимался наукой, а она домом, его дочерью, их будущими детьми… Как чудесно! Как бы это было чудесно…

…Если бы не все те мысли, которые уже сотню раз передумала Саша после возвращения из Зубцова. Не будет в их браке ничего чудесного. Да и с любым кандидатом Дениса – не будет.

«Слова – ветер, Шунечка, - любила повторять Бубэ Бейла[13], утешая, когда ее в очередной раз задирали братья или обижала гувернантка. – И обидные слова – не камень. Услы-

---

[13] Бубэ – бабушка (идиш), о бабушке Бейле рассказывалось в книге «Саван алой розы»

шала их, бубэле[14]моя, и пускай они умрут в тебе, не коснувшись сердца».

Нынешние слова Дениса тоже – ветер. Пустые обещания. Он и раньше обещал с три короба. Обещал поговорить с Юлией – и никогда не говорил. Обещал устроить ее судьбу – и за двадцать семь лет так и не устроил. А нынче нашел ей жениха из родни – удобнейший для него вариант! Обещал еще Сашиной матери, что позаботится о ее детях – Саше с Николаем – и первое, что сделал, не дождавшись даже ее кончины, – отдал новорожденного своего племянника Александра в приют для сирот…

И насчет Кирилла Андреевича он не возражал лишь по той причине, что господину Воробьеву дела нет до финансов, до банка и до того, нарушит ли Денис свои нынешние обещания, или нет.

В отличие от Алексея.

Да и прежнее отношение Дениса к Саше, казавшееся ей когда-то ласковым, было не более чем расчетом.

Кажется, Денис уловил, что очередная манипуляция раскрыта, потому как тон его мгновенно сменился:

— Поверь, я бы мог применить к тебе и более жесткие меры… - холодно, с усталым вздохом заявил ей брат. – Мне ведь выгодней, чтобы ты умерла бездетной. Тогда бы я взял под опеку этого мальчишку, твоего племянника и прямого

---

[14] Бубэле – дорогая, милая (идиш), традиционно ласковое обращение бабушки к внукам

наследника Бернштейнов – и никто бы мне не возразил. Я отличный семьянин, все знают! – он криво улыбнулся. - Но ты все же моя сестра, Саша, моя кровь – и я хочу тебе добра. Даже если ты сама этого не понимаешь.

— Я понимаю, - слабо возразила Саша, - даже верю, что ты искренен, когда говоришь, что хочешь мне добра. Дедушка Яков тоже всё делал из лучших побуждений – когда насильно выдавал мою мать за твоего отца. Но матушка всю жизнь была несчастна. Как и ее дети, впрочем. Может, я и правда распутная и сумасшедшая старая дева без особенного ума и способностей, однако опыт семьи научил, что до добра такова забота не доводит, Деня.

Саша даже осмелилась упрекнуть:

— Ты ведь тоже любишь своих детей – и Петю, и Люсю. С Люсей, быть может, и чуть более нежен, а с Петрушей построже. Я услышала, ты сегодня ругал его за то, что задирает сестру… а их гувернантка обмолвилась, что это не впервые. Как думаешь, не оттого ли Петя безобразничает, что на твое отношение ко мне смотрит? А что будет, когда подрастут? Когда наследство твое делить станут?.. Представь, он будет говорить с сестрой также, как ты со мной нынче.

Сама не ожидала – но Саша ударила по больному. Денис даже дернулся и резко ответил:

— Моя дочь такой никчемной дурой, как ты, не вырастет!

— Надеюсь, – пропустив оскорбления, согласилась Саша. – Тем не менее помешать мне выйти за Алексея ты не смо-

жешь, Деня – я более не в твоей власти. Но я все равно буду рада видеть тебя в церкви и на торжестве. Как и Юлию.

Она не очень искренне улыбнулась.

Чем взбесила брата только больше – Саша вздрогнула, когда он ударил кулаком по столу:

— Да мне достаточно пальцем пошевелить, чтобы тебя признали сумасшедшей после всех твоих выходок – и полностью отдали под мою опеку! Как и этого ублюдка, которого ты называешь племянником!..

— Еще раз так назовешь Александра и, клянусь, ты лишишься не только банка, но и этого дома! – с яростью тигрицы Саша вскочила так резко, что ее стул с грохотом опрокинулся. – Ты помнишь, надеюсь, что и дом был завещан мне, а не тебе?! Алексей все устроит, не сомневайся!

— Не сомневаюсь, сестра, ничуть не сомневаюсь!

Денис поутих и, хоть глаза его все еще метали молнии, он слез со стола и неторопливо прошелся по кабинету. Тайком оглянувшись, пока поднимала стул, Саша увидела, что пальцы его то нервно подрагивают, то сжимаются в кулак. Она лишь догадываться могла, что брат, вероятно, не высказал еще и десятой доли всей ненависти, что кипела в нем по отношению к ней да к ее матушке, обошедшейся с ним, пасынком, столь несправедливо.

— К слову о твоем аферисте… - заговорил вдруг Денис уже куда более расслабленным тоном. И усмехнулся.

Он прошелся до бара и наполнил один бокал. Подумав,

наполнил и второй, который небрежно поставил возле Саши. Сел в хозяйское кресло напротив нее и с удовольствием пригубил коньяк. Саша, разумеется, отказалась.

Денис, выждав, вновь заговорил едко, но размеренно, свысока – надеясь уколоть побольней.

— Ты знала, что в Париже твой жених имел достаточно близкое знакомство с некой дворянкой по имени мадам де Бланшар?

Саша невольно коснулась пальцами своих губ. Нет, ни о какой мадам де Бланшар Алёша никогда не упоминал… хотя про Париж и друзей оттуда всегда рассказывал много и с удовольствием.

Но, пожалуй, она могла с этим смириться. Это было давно – они тогда даже не были знакомы. Неужто это и есть козырь Дениса?

А брат невозмутимо и скучающе продолжал:

— Вместе они ездили в Ниццу, в горы, исколесили всю Францию. Когда Громова выписал батюшка к себе в Зубцов Тверской губернии – через месяц туда же прибыла и она. Когда ты, Саша, приволокла этого проходимца в столицу… лагать не стану, они как будто бы разорвали всякую связь, и она вернулась в Париж. Однако неделю назад мои люди снова видели ее в Петербурге. Эта особа поселилась через три улицы от вашего будущего семейного гнездышка на Миллионной – удобно, правда?

Саша ахнула, хотела было горячо возразить, обвинить Де-

ниса во лжи – но вспомнила дамскую перчатку меж диванных подушек. Он встречался с этой де Бланшар там? В их будущем доме? Боже…

Мучительно пересохло в горле, и рука сама потянулась к бокалу перед ней. Саша успела сделать два больших глотка, прежде чем сообразила, что это не вода, и надрывно закашлялась. Брат не шевельнулся, чтобы ей помочь – глядел с ухмылкой, вполне довольный эффектом.

А потом Саша подумала, что с Дениса сталось бы и выдумать эту историю, и подкинуть перчатку в их дом… «Его люди» это бы сделали запросто!

Да Алёша с его попытками поставить на местах в банке шпионов – младенец по сравнению с ним. И он еще мечтает бросить все на самотек и поехать путешествовать?! Уж так ли Алёша умен, как ей казалось?

Откашлявшись, Саша изо всех сил постаралась взять себя руки. Голова кружилась от нечаянно выпитого коньяка – однако, возможно, спиртное ей и придало смелости. Очень желая тоже выглядеть невозмутимой, Саша пожала плечами:

— Ты ведь лжешь, Денис? Нет никакой мадам де Бланшар – ты все выдумал в тщетных попытках рассорить меня с женихом. Изначально пустая затея. Как бы мне ни хотелось верить в иное – я отлично понимаю, что наш брак с Алексеем, скорее, фикция. Выгодный нам обоим союз. Совсем как у вас с Юлией. Если сложится после любовь – то и славно. А нет… значит, нет.

* * *

Позже, в коляске, покидая дом Дениса и пытаясь справиться с головокружением, Саша еще множество раз повторяла про себя сказанное. И дивилась, насколько она была в тот момент искренна.

Вот уж правда: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Стояла почти что ночь, октябрьский ветер пробирал до костей, а лужи на мостовой подернуло ледяным рисунком. И первые в этом году снежинки, совсем мелкие, колючие, как иглы, летели ей в лицо, когда Саша, пряча нос в меховой воротник, мчалась на извозчике домой.

Проводить ее Денис не озаботился. Что говорить, он считал ее распутной женщиной, которая не достойна ни любви, ни участия. И ясно дал понять, что лишь обрадуется, если с ней что-то случится. Саша была благодарна, что брат хотя бы лакея послал найти ей извозчика, ибо добираться предстояло совершенно одной…

Это Денис подкинул перчатку, точно он!

Но даже если не он… Саша отчетливо понимала: вовсе не мадам де Бланшар (существует она или нет) станет причиной их разрыва с Алексеем, если он все-таки случится. Ибо ее будущий брак – союз, который основывался отнюдь не на чувствах.

Вероятно, и со стороны Алёши тоже.

При этом ей нравилось целоваться с ним, им хорошо, ин-

тересно и удобно вместе. А чувства… в конце концов, Бубэ Бейларассказывала, что ее тоже никто особенно не спрашивал, когда выдавали замуж за Зейде[15]. Как и Сашину матушку не спрашивали. Как и Юлию. Как и Анну Николаевну, которая прожила с мужем двадцать вполне счастливых лет, прежде чем он оставил ее обеспеченной вдовой.

Не стоит, наверное, идти на поводу у чувств – от этого одни беды.

В любви Саша признавалась дважды: вслух – господину Кошкину, и в письмах – господину Воробьеву. И до сих пор помнила, как это больно, когда тебя отвергают. Или, того хуже, ни строчки не пишут в ответ, позволяя уж передумать все на свете… Едва ли она решится еще хоть раз сказать эти слова первой.

— Приехали, барыня! – зычно и весело сообщил извозчик. – Али пригрелись и выходить не хотите? Так, извольте, во двор не поеду – темно там, и не развернуться мне на колымаге.

— Что?.. – Саша все еще плохо соображала и нервно оглядывалась в темноте, - какой двор? Мне нужно было в «Пале-Рояль»!..

— «Пале-Рояль»-то в другой стороне: что ж погнали меня тогда через мост на Васильев остров да на Большой проспект? Разворачиваться, что ли, велите?

— Большой проспект Васильевского острова… - рассеян-

[15] Бубэ и Зейде – бабушка и дедушка (идиш)

но повторила за ним Саша.

И медленно осознала, что это адрес, по которому проживали теперь Кирилл Андреевич с дочерью. Это что же она по глупости назвала извозчику его адрес, а не свой? Саша этого не помнила.

И по глупости ли? Неужто она в самом деле хотела его увидеть?

Отодвинув кожаный навес коляски, Саша щурилась от снега и высчитывала номер дома и его окна. По всему выходило, что господин Воробьев еще не спал: за стеклами его квартиры, с подоконником, заставленным книгами и рядами пустых колб, за портьерами вполне угадывались слабые всполохи свечей.

Ну что – решиться? Увидеть его. Поговорить. Просто поговорить! Извиниться за прошлое, сказать все, как есть – и хотя бы раз в жизни не трусить и не сомневаться!

Не трусить…

Отчаянно – лишь бы не передумать – Саша рывком спустилась из коляски на подернутую льдом мостовую. Поскользнулась и едва не упала. Кутаясь в шубку, жадно глядя на окна, которые сочла его окнами, вошла в подворотню, и правда совсем темную. Однако звонить в парадные двери в такой час, беспокоить швейцара… ну уж нет – и без того ей довольно сплетен. Саша знала номер его квартиры и была уверена, что отыщет нужную.

Вот только пробираться по двору, гулкому, грязному

и мрачному, с трех сторон огороженному стенами, было неприятно. И еще неприятней подниматься по черной лестнице – почти что на ощупь и наугад.

А потом Саша тихо, в ужасе от того, что делает, постучала в дверь.

Ее не услышали.

Постучала другой раз.

Третий – уже куда громче. И тогда только в глубине квартиры послышались шаги. Щелкнул ключ в замочной скважине – и отворилась дверь.

— Александра Васильевна? Вы? Одна?..

Господин Воробьев, до крайности изумленный – в клетчатом английском шлафроке, в ночном колпаке, в очках и со свечкою в руке – даже вытянул шею за порог, желая убедиться, что она осмелилась на подобное.

А Саша радовалась, что пьяная или нет, хотя бы в расчетах нужной квартиры не ошиблась. Да и дурман в голове начал уж рассеиваться – но уходить ей до сих пор не хотелось.

А еще Саша была невозможно счастлива его увидеть.

— Позволите войти? – спросила она робко.

— Да-да, разумеется… - Кирилл Андреевич посторонился.

Однако, покуда Саша осматривалась, покуда нетвердой походкой шла вглубь квартиры, небрежно сбросив шубку прямо на стул в столовой, забавная его растерянность сменилась хмурым видом:

— Вы пьяны?..

— Нет! Быть может, совсем чуть-чуть… - Саше стало смешно от вида его колпака, и она попыталась стянуть сей дедушкин головной убор.

Чем рассердила Кирилла Андреевича только больше. Он за плечи грубо отстранил ее и даже чуть встряхнул, прогнав все веселье:

— Зачем вы здесь и одна?! Вы хоть знаете, сколько беспутных студентов толпами бродит на Васильевском вечерами? А у соседней парадной намедни драка была с поножовщиной – городовой с околоточными набежали! Зачем вы приехали?! Да вы всю душу мне вымотали, чего еще вы от меня хотите?! Пожаловаться на мужа, который отпускает вас в такой час?

— Алексей мне не муж, - поморщилась Саша. – Пока что… Завтра в газете появится объявление о нашей с ним помолвке. Я хотела сказать вам сама. Всего-то.

— Вот оно что…

Господин Воробьев снова растерянно моргнул и отпустил ее плечи. Снял колпак, очки и устало потер переносицу.

— Что ж, спасибо, что сказали… Но, право, могли отправить письмо или телеграмму – они для этого и существуют. Ах да, вы ведь избегаете писем! – не сдержался он от упрека.

— Вы их сами всегда избегали, – мрачнея в тон ему, напомнила Саша. – Почему вы не писали мне в Италию? Я так ждала… я скучала, я… думала, вы забыли меня… И тогда я

забыла вас тоже. Если бы вы хоть раз просто написали, что любите меня – ничего бы этого не было! Но нет… вы явились ко мне на порог, стали слать цветы и объясняться лишь когда поняли, что потеряли меня – не раньше!

— Я полагал, что сказанное однажды, не нуждается в многократном повторении и доказательствах в виде цветов. Но вы сполна мне отомстили за мои глупые предположения!

— …я сама себе отомстила! – перебила Саша звенящим голосом, изо всех сил стараясь сдержать слезы. И все-таки призналась: - а ведь я писала вам после Зубцова.

Кирилл Андреевич удивленно вскинул брови.

— Да, писала, и не раз. На прежний адрес… я многократно глупее вас, мне и в голову не пришло, что вы перебрались на Васильевский остров. Я не стыжусь того, что писала – все было правдой до последнего слова! Но когда узнала новый ваш адрес, когда прошло столько времени… изложить все снова у меня не хватило духу… Поэтому я и приехала, хотела сказать вам, глядя в ваши глаза, что…

Кирилл Андреевич теперь был хмур и растерян одновременно. Саша робко шагнула к нему – а он отпрянул:

— И ждали вы с этим разговором до дня объявления помолвки?! – упрекнул снова. - Александра Васильевна, это вино вас побудило приехать, а не вы сами. И, потом, что бы вы ни сказали сейчас, вы по-прежнему выходите за Громова. Или раздумали?

А Саша мучительно вздохнула и пожала плечами. Лишь

позже поняв, что это худшее, что она могла сделать после его вопроса…

Взгляд господина Воробьева сей же миг стал ледяным. Теперь уж и речи не шло, чтобы делать этому мраморному изваянию какие-то признания. Саша стихла и отступила сама.

— Хорошо, я не стану вам говорить того, что хотела… и впрямь поздно для этого. Но я могу вас хотя бы спросить, Кирилл Андреевич? Вы самый умный человек, кого я только знаю: может, хоть вы дельный совет дадите… потому как сама я вот-вот с ума сойду… не зря мой брат грозится отдать меня на расправу врачам для умалишенных, потому как я совсем запуталась! Я еще с юности свыклась с мыслью, что замужней мне не бывать – смирилась. А к тридцати ко мне вдруг выстроилась очередь из женихов! И ни один не мил… А тот, кто мил – презирает меня всей душой и слушать не хочет. И поделом мне, я бы сама себя слушать не стала. Пустые оправдания. Слова – ветер. Но что мне делать, Кирилл Андреевич? Скажите! Вопреки брату выйти за того, кого он никогда не примет? Пойти на открытую войну и разрушить то, что еще осталось от рода Соболевых, чтобы сохранить за собой этот проклятый-проклятый ненавистный банк? Или покориться Денису, согласиться на его кандидата и в будущем всю жизнь надеяться на его милость? Ах, знаю, правильнее было б остаться в старых девах да засесть за учения, чтобы понимать в банковском деле хоть что-то… но, право, поздно уже мне по годам учиться; я не сумею тягаться с Денисом

все равно…

— Коли приложите много стараний – ничего не поздно, - ответил все же Воробьев. Говорил через силу, но гораздо теплей, чем она ожидала. – И, потом, ведь есть третий вариант, Александра Васильевна. Если банк, доставшийся вам в наследство, столь ненавистен, вы можете просто избавиться от него. Отдать брату, да кому угодно! Тогда и вы сами, и замужество ваше перестанет ему быть хоть сколько-нибудь интересными, а вы сможете делать со своей жизнью все, что заблагорассудится. Совсем как во времена нашего знакомства.

— Вы тогда были влюблены в меня и сказали, что я идеальна, - Саша горько улыбнулась. – Теперь, вероятно, так не считаете.

— Человек из крови и плоти не может быть идеальным. А я был дураком, раз искал подобного, - он нахмурился будто и вспоминать не хотел о былом.

Саша все приняла на свой счет. Усилием воли погнала прочь мысли об истинной цели ночного визита и попыталась объясниться о наследстве.

— Отказаться от матушкиного завещания я не могу тоже, Кирилл Андреевич. Не из-за банка или, упаси Господи, денег. От них и впрямь одни беды. Однако если я лишусь всего или хотя бы большей части – то лишусь и всякого влияния на Дениса. Тогда он непременно отберет у меня племянника Александра. Мальчик – прямой наследник Бернштейнов по мужской линии, он опасен для Дениса, особенно когда

подрастет. Вы сами знаете, что Денис сделал при его рождении[16], и лишь Бог ведает, что Денис сделает с ним теперь, если доберется. В лучшем случае, его воспитают, как воспитывали меня – забитым, никчемным, нелюбимым. В худшем… и думать не хочется. Нет, Кирилл Андреевич, я не имею права отказаться от банка. Это все равно, что сдаться, признать, что я ни на что не способна, что так и осталась глупой девчонкой – набитой дурой, перед которой открылся целый мир, а она предпочла поджать хвост и спрятаться, как всегда. И что не смогла даже уберечь сироту, отданного под ее опеку!

— Не говорите так, вы умная и чудесная, и смелая… а в ту девчонку, о которой вы так отзываетесь, я действительно был влюблен.

Саша робко, с надеждой взглянула на него – но Кирилл Андреевич, глядел не на нее, а в сторону. Устало, потирая виски, говорил:

— …Однако, если вы рассуждаете теперь так… то вам следует выйти за Громова и не мучиться сомнениями. После свадьбы вашему брату и правлению придется куда серьезней воспринимать Громова, а у Громова появится отличный стимул бороться за ваш банк. И он будет это делать, никуда не денется.

— А вы, Кирилл Андреевич? – чуть слышно спросила Саша. – Что вас заставит бороться за мой банк?

---

[16] История рождения Александра рассказывалась в книге «Саван алой розы»

— Боюсь, что ничего. Как вы сами верно сказали, Саша, от вашего наследства одни беды. А у меня нет ни сил, ни желания тягаться с Денисом Васильевичем…

— Ну а я?! – перебила Саша. - За меня и мое счастье вы не хотите побороться?!

Воробьев все же посмотрел на нее – резко и снова с укором:

— А что для вас счастье? Помнится, вы уезжали от меня в Италию с мыслью, понять для себя, что вам нужно от жизни и какие истинные ваши мечты. С тех пор уже год прошел. Разобрались?

— Пожалуй…

Спиртное в ней говорило или нет, но Саша без спроса качнулась к Кириллу Андреевичу и внезапно, совсем как Алексей когда-то, коснулась его губ своими. Правда, чуда не случилось. Поцелуй вышел совсем коротким и невнятным, потому как господин Воробьем ужом вывернулся, отпрянул от нее, как от чумной, и отгородился за спинкой стула.

Разгневался не на шутку:

— Ну уж нет, чужую невесту я целовать не стану! Да и вы наутро пожалеете, что пошли на поводу у страстей, и станете себя винить, что начали семейную вашу жизнь с Громовым с пошлого адюльтера! Нет и нет!

Саше же было больно и обидно осознавать, что он и теперь думает, будто она выйдет за Громова. После того, что едва не сказала ему и едва не сделала.

Или… или это и впрямь единственный разумный выбор для нее?

— Громов не так уж плох, в конце концов! - Воробьев, не замечая ее терзаний, говорил и говорил, громко и запальчиво. - Понятие о долге у него есть, и он любит вас! Мне так показалось, по крайней мере… А я… я был сносной партией для вас прежней, но нынешней вам – не пара. Это очевидно любому! И жить на содержание вашего брата я бы, разумеется, никогда не стал! Я бы и копейки не принял от этого человека!

Ну вот и все. Кирилл Андреевич свой выбор сделал тоже.

— Жаль, что так… - без голоса сказала Саша.

— Жаль! - согласился Воробьев, все еще гневаясь.

— Знаете, Кирилл Андреевич… когда я получила матушкино наследство, то подумала, что она даровала мне свободу. Свободу жить, как угодно, и любить кого угодно. Нелепица, что именно это завещание подталкивает меня выходить замуж лишь из соображений долга, без каких-либо чувств. Договорной брак, к которому принуждают меня не родители, а я сама.

Саша вымученно улыбнулась, а Воробьев растерянно моргнул. Но Саша давно уж смирилась, что он человек бесконечно умный, но не самый сообразительный.

И попросила:

— Поцелуйте меня, Кирилл Андреевич. В последний раз.

— Это ведь ничего не изменит…

— Мне все равно!

Не слушая, не отвечая, Саша куда смелее, чем прежде, приблизилась к нему снова и отодвинула стоявший меж ними стул. Воробьев не отшатнулся на сей раз. Даже взял ее за плечи – не как сегодня, а как прежде. Сжал их горячо и нежно, так, что у Саши зашлось дыхание. Потянулся к ее губам, без сомнения, желая их поцелуя не меньше, чем она сама. И Саша потянулась в ответ…

…когда тишину квартиры вдруг пронзил дребезжащий звук дверного звонка из передней.

На часах было без четверти два ночи.

Через миг к звонку присоединился грохот кулаком в другую дверь – с черной лестницы, по которой поднималась Саша. А следом и требовательный громкий голос:

— Воробьев! Вы живы? Открывайте!

Голос принадлежал господину Кошкину, Степану Егоровичу, без сомнений.

И трезвон из передней, и стук с черной лестницы, и голос Кошкина слились в дикую какофонию – Саша приросла к месту и не понимала, что происходит.

— Ну что, ломаем? – вопросил из-за двери еще один голос.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.